

Дикий Носок

Седьмое небо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дикий Носок

Седьмое небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68036674

SelfPub; 2022

Аннотация

В этом мире все буквально: куры не клюют денег, рука моет руку, коты сидят по мешкам, а смешинки попадают в рот (и, как водится, совсем некстати). А данное слово удержать по силам не каждому. Та еще тяжесть! Того и гляди руки оторвет.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	18
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	44
Глава 9.	50
Глава 10.	54
Глава 11.	63
Глава 12.	70
Глава 13.	74
Глава 14.	76
Глава 15.	83
Глава 16.	87
Глава 17.	100
Глава 18.	110
Глава 19.	112
Глава 20.	116
Глава 21.	120
Глава 22.	122
Глава 23.	126

Глава 24.

130

Глава 25.

132

Дикий Носок

Седьмое небо

Глава 1.

Латать небо приходилось постоянно. Юркие ласточки шныряли туда-сюда, ежедневно проделывая своими стремительными телами в нем десятки новых дыр. Большинство прорех до конца светлого времени суток затягивались сами. Но те, чьи края никак не могли сойтись, приходилось зашивать.

Обычно дед Богдан занимался этим на вечерней зорьке, не оставляя решета в небе до утра. Подставлял стремянку, вдевал в тонкую костяную иглу длиной с палец взрослого человека толстую крученую шерстяную нить и принимался за дело. Если оставить прорехи незашитыми, то за ночь с неба натечет столько воды, что землю во дворе развезет в жидкую бурю грязь, а в саду образуется болото с лягушками.

От лягушек этих не было спасения. Стоило только где в лощинке застояться воде, как они появлялись во множестве будто из-под земли и оккупировали водоем. Да и пусть бы себе жили. Беда была в том, что лягушки любили петь. Концерты их начинались обычно как раз на вечерней зорьке и продолжались, покуда не начинал таять в солнечных лучах утрен-

ний туман. И спасения от них не было никакого.

Отчасти поэтому и совершал дед свой ежевечерний обход территории со стремянкой наперевес. Иван, неуклюже ковыляя, старался не отставать, волоча на плече моток толстых ниток. На стремянку, по малолетству, дед его не пускал.

Богдан гордился тем, что над их невеликими владениями небо было голубым и ясным. Дым от очага, на котором готовилась еда, коптил его совсем немного, и за ночь успевал бесследно раствориться в темноте, а утром небо снова сияло. Совсем другим было оно над заводиком за рекой. Там стояли вечные сумерки. Заводские трубы выбрасывали столько едкого черного дыма, что небу и века не хватило бы, чтобы очиститься. Зато ласточки там, впрочем, как и прочие птицы, не жили и не дырявили небесный свод как ни попадя.

Завод производил Слова. В отношениях между людьми без надежного Слова никак нельзя. Дает, например, пропойца родственникам обещание завязать. И в знак серьезности намерений слово дает верное, твердое, чугунной чушкой скрепленное. Ставится та чушка посреди двора, дабы всякий знал и видел его нерушимость.

Вот эти то Слова завод и производил: и стальные, негнибаемые для людей военных, и гранитные для сделок торговых, и беломраморные в знак брачных союзов. Ну тех, что по любви заключаются, а не по сговору. Последние и так прочны, ибо разумны и обдуманно, а также обеим сторонам выгодны. Были слова и попроще, и подешевле – из соломы пле-

тенные или из мягкой липы резаные. Ну это так, баловство. Для обещания мамке штанов новых не рвать или молока ледяного из подпола не пить.

Когда данное слово торчит у всех на виду и каждый день глаза мозолит, забыть о нем непросто, а не исполнить – со-вестно и перед людьми стыдно. На то и расчет. Правда неко-торые ловкачи разбрасываются словами направо и налево. У таких и двор, и дом бывают завалены булыжниками несдер-жанных обещаний и нарушенных уговоров. А другие хитре-цы нарочно забрасывают слова подальше в крапиву или заки-дывают кучей мусора и поливают грязью.

С глаз долой, из сердца вон.

У деда с Иваном во дворе дома тоже стояло слово – чугу-нное, неподъемное, то, которое дед дал родителям мальчика – внука вырастить, выучить и в люди вывести.

А выводить в люди было непросто, ох как непросто. Такое путешествие было не каждому по силам. Да и хозяйство на кого оставить? Да и дорого. И опасности, опять же, подстере-гают на каждом шагу. Выводить и вывозить подростков детей в люди могли лишь родители состоятельные, властью обле-ченные и решительные. Ибо что, как не деньги и обществен-ное положение могут облегчить длительное путешествие?

О данном дедом Богданом слове Иван начал задумываться лет с 10-ти. Сначала путешествие представлялось ему пред-приятием столь увлекательным, что дух захватывало. Сей-час, в 16-ть сердце его по-прежнему замирало от восторга

при мысли о выходе в люди. Но появились и другие мысли. Как, например, быть с ласточками? Без присмотра они вмиг продырявят все небо, и то, прохудившееся, зальет дождем и дом, и сад, и все вокруг.

А яблонеый сад на кого оставить? Яблони без заботы одичают и разбегутся. Ищи их потом по лесам и полям. А найдешь – еще домой заманить надо ласковыми обещаниями. Сколько слов деревянных, резных дать придется, страшно подумать. Дикие яблони – они несговорчивые.

Да и дедушка стар уже. И денег у них особых нет. Значит идти придется пешком. Сдюжит ли? Иван уж и рад был бы отказаться от путешествия вовсе. Но его слово ничего не решало. Дадено оно было не им и не ему. А, следовательно, оставалось только подчиниться. Дед же уже готовился к дальней дороге всюю.

Перво-наперво, смазал лыжи.

Толстые, легкие пробковые лыжи в форме кругов диаметром по полметра были вещью, в хозяйстве совершенно незаменимой. Нацепив такие на ноги, можно было свободно разгуливать по воде аки посуху: выгнать хворостиной с пруда загулявших гусей и уток, нарвать лотосов на салат, перейти небыструю задумчивую речушку во время путешествия. С мостами то в государстве было негусто. Да за переход по каждому надо платить. А лыжи, они у каждого имеются. Конечно, большой груз, торговый, скажем, на лыжах через реку не перенесешь. А дорожный мешок – запросто.

Лыжи бывали разного диаметра. Зависело это от веса хозяина. Человека чересчур дородного никакие лыжи выдержать не могли. Но коли человек дородный, значит ест досыта, значит не бедный. У такого всегда найдется монетка заплатить за переход через мост или лодку нанять. Дети и вообще бегали на лыжах размером с суповую тарелку.

Конечно, чтобы ходить по воде на лыжах, требовалась сноровка. Умение, как и в любом другом деле, вырабатывалось с практикой.

Пробка, из которой мастерили лыжи, и сама была плавучей и не топкой. Но для лучшего эффекта лыжи смазывали толстым слоем бараньего жира. Тот застывал, забивая собой все щелочки, не давая воде ни единого шанса задержаться.

Дед топил баранье сало во дворе над костром и любовно водил кисточкой по дискам лыж. Они были старыми, пробка потемнела от времени и местами даже начала крошиться. Кожаные ремешки, в которые надлежало совать ноги, истрепались, но были еще достаточно прочны. Менять их дед не стал.

Во-вторых, дед намылился.

Он выкатил из сарая большую бочку, подставил ее под свежую небесную прореху, подождал, пока та наполнилась чистой дождевой водой, и залез внутрь. Довольно ухая и отфыркиваясь, он мылил уши, шею и руки, тер щеки и седую макушку. Намывшись до блеска, дед замотался в мохнатую простыню и загнал в бочку внука.

«Ну вот,» – удовлетворенно заметил дед. – «Теперь раздобудем денюжат и в путь.»

«Где же мы их достанем, дед?»

«Где-где? На седьмом небе,» – загадочно заявил дед. – «Волоки стремянку в сад и ставь ровно над розовым кустом.»

Богдан вооружился большим ножом и, кряхтя, полез по ступеням вверх. Странно было наблюдать, как дед, обычно ворчливо латающий прорехи, с силой вонзил нож в небесный свод и с треском прорезал здоровенную дыру. Оттуда тотчас хлынула вода. Не обращая на нее внимания, дед лег животом на край неба и ящеркой заполз внутрь. Небесный свод прогнулся, но выдержал. Дед же, высунувшись из дыры, уже втягивал наверх стремянку.

«Жди тут. Я скоро,» – велел он внуку.

Иван послушно ждал. И довольно долго.

Небо только на вид сплошная пухлость, мягкость и невесомость. А на самом деле материя довольно плотная. Шутка ли такую тяжесть на себе держать: Луна, Солнце, звезды, воды небесной немеряно, льдинок и снежинок насыпано.

Дед Богдан установил стремянку и сделал прореху на втором небе. Оттуда сухим горохом забарабанили градины. Едва добравшись до земли, они тут же таяли. Третье небо посыпало плечи Богдана снегом, припорошив и розовый куст. С четвертого неба дуло таким холодным ветром, что куст пригнуло к земле. Алые лепестки разлетелись во все сторо-

ны. Пятое так ослепительно полыхнуло многоцветьем радуги, что Богдан зажмурился. На шестом небе среди непроглядного мрака приглушенно сияла Луна и таинственно мерцала россыпь звезд.

Дед пошарил рукой вокруг сделанной прорехи, нащупал небольшую деревянную шкатулку, тщательно перевязанную веревкой, и сунул ее за пазуху.

Спуск на землю занял у него еще больше времени. Ведь надо было залатать каждую из прорезанных дыр. Иначе содержимое небес перепутается, перемешается и начнется такая круговерть, что вовек не расхлебаешь. Ветер раскидает как попало звезды, и звездочеты, глядя в свои подзорные трубы, уже не найдут их на положенных местах. Радугу припорошит снегом, и она вовсе станет не видна. Луна попадет под дождь, размокнет и растает, как кусок сливочного масла на сковороде.

В шкатулке оказались монеты, не много, но и не мало. Были они новенькие, блестящие, будто вчера отчеканенные.

«Ты хранил деньги на небе?» – изумился Иван.

«А что? Лучше места не найти,» – пояснил дед. – «Кто туда полезет кроме нас? А если и полезет, то сразу дождь, снег или град посыпятся. Я и догадаюсь.»

«А почему на шестом небе, а не на седьмом?» – не унимался внук.

«Ну ты придумал! На седьмом небе солнышко страсть как печет. Монеты расплавились бы, а я ослепнуть мог, а то и

вовсе обуглиться. Солнышко – оно ведь знаешь, как сияет. Недаром на седьмом небе обретается. Иначе всю траву попало бы и реки высушило.»

«Люди говорят, на седьмом небе еще удача обретается и, если повезет, можно схватить ее за хвост. А еще молвят, крохи ее иногда на землю падают, когда в небесах значительные прорехи случаются. Но брешут, наверное. Какая она из себя удача эта? Как на седьмом небе обретаться может?»

Дед любовно пересчитал монеты, пересыпал их в кошель, сунул тот за пазуху и удовлетворенно заметил: «Теперь можно и в путь.»

Глава 2.

Ехать дед наотрез отказался.

«Я же тебя в люди вывести должен, а не вывезти. А значит, пешком пойдем, пока ноги держат. А потом поглядим. Едучи разве людей узнаешь, да мир повидаешь? Ехать – только столбы на обочинах считать. Ничего не увидишь, а увидишь – не поймешь,» – подытожил он.

Кошель на кожаной тесемке дед Богдан повесил себе на шею и упрятал за пазуху. Закинул за спину заплечный мешок с провизией и скомандовал внуку: «Ну, присядем на дорожку.»

Иван послушно опустил ся в пыль. Садиться, как известно, следовало именно на ту дорогу, по которой собираешься идти. Да не на обочину, в зеленую травку, а по самому центру, не жалея чистоты штанов. Поэтому в дождь в путь обычно не пускались. Кому охота плюхаться задом в лужу, а потом путешествовать с мокрыми штанами? Пыль же можно просто стряхнуть.

Несмотря на охватившее его воодушевление и радостное предвкушение, Иван нет-нет, да и оглядывался назад, на старый семейный дом, окруженный яблоневым садом. Какое-то щемящее чувство потери на миг охватило его, когда печная труба скрылась за пригорком. Но тут же отпустило. Парень забыл и дом, и сад, и почти прирученного им стрелянного

воробья. Воробей отличался редкой шустростью даже среди своих собратьев. Потому, наверное, сколько в него не стреляли мальчишки из рогаток, ни разу не попали. Легко и радостно было шагать по дорожке, огибающей дома и сады соседей., вьющейся по берегу речушки, упрямо взбирающейся на пригорки, с которых вся округа была как на ладони.

К полудню путники подустали и сделали привал на заросшем ивами берегу живописного пруда. Из воды тут же высунулись любопытные морды местных карпов. Уяснив, что прибывшие рыбу ловить вовсе не намерены, карпы с облегчением булькнули, блеснули серебристыми спинками и ушли на дно.

Благодать вокруг стояла невероятная, как в душе после бани. Утомленные полуденным зноем молчали птицы, скользили над водой неосторожные стрекозы, зеленая травка в густой тени была мягкой и шелковистой. Комариное облако взлетело с прибрежной растительности и спикировало на путников. Иван к тому времени уже посапывал, а деда Богдана обстановка настроила на поэтический лад. Ведь чем старше ты становишься, тем больше начинаешь ценить такие прекрасные моменты. Кто знает, может быть до конца своей жизни такого больше не испытаешь. В голову сами собой пришли стихотворные строки, что зубрил он, еще будучи школяром. Тогда они никак не хотели запоминаться, а сейчас, гляди-ка, сами собой в голове сложились:

Ох, лето красное! любил бы я тебя,

Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

Стоило только Богдану эти строки произнести, как из безмятежного пруда с горестным воплем, всполошившим птиц и разбудившим Ивана, вынырнул человек.

Мелкие, тугие кудряшки, украшавшие его голову, колыхнулись львиной гривой. Человек потряс головой точно собака, отчего брызги полетели во все стороны, и начал выбираться из воды. Пруд был мелковат, и незнакомец, по большей части, шел по дну пешком.

«Ну сколько можно? Да когда же это кончится?» – гневно возопил он. – «Будет мне когда-нибудь покой? Я Вас спрашиваю?» – обратился он к разом онемевшему деду и, не дожидаясь ответа, продолжил: «Я нашел самый тихий, темный и нехоженный людьми уголок в государстве. Уж тут то, мыслил я, никто не потревожит мой покой. Но нет, даже здесь, в этой тишине и благолепии, находятся так называемые ценители прекрасного.» Последние слова были произнесены с ненавистью и издевкой.

«Упокоиться, в смысле утопиться?» – неуверенно поинтересовался Иван. – «Зачем? Вы же умрете?»

«В этом и смысл!» – вскричал странный человек.

Тут, наконец, отмер дед Богдан и толкнул внука локтем в бок: «Это же он – Бессмертный классик. Разве ты не узнал? Его портреты в каждой книжке.»

Парень присмотрелся. И правда, человек удивительно походил на портреты поэта в книгах: непокорная грива волос,

гордый взгляд, устремленный вдаль, нелепые, по старинной моде, бакенбарды. Гневно раздувающихся ноздрей и горестных воплей портреты не передавали.

«Не может быть,» – недоверчиво возразил Иван. – «Вы же уже давно, ну это ... умерли.»

Прозвучало донельзя нелепо. Как можно утверждать, что человек умер, если вот он, стоит перед тобой, выжимает свое мокрое одеяние на манер женского платья, оголив поросшие черным курчавым волосом ноги.

«Ха! Как бы не так! Упокоишься тут, если все, кому не лень, целыми днями цитируют твои стихи. И каждый раз, когда кто-нибудь их вспоминает, я тут как тут! Вечно живой!»

«Погодите-ка, а разве Вы не должны почивать на лаврах, как полагается всем Бессмертным классикам?»

«Ха! Почивать? Сами попробуйте на них почивать. Сначала лавровые ветви высохли, потом засохшие листья раскрошились, а ветки стали немилосердно колоть спину. Пусть на лаврах почивает тот, кто это придумал. А мне и перина не плоха.»

«Какой сегодня день? Который год?» – неожиданно деловито поинтересовался Бессмертный классик.

«Год брехливой собаки, месяц зеленых яблок, день третий,» – ответил дед.

«О!» – снова горестно взревел поэт. – «Не больше двух часов. Судя по солнцу, я упокоился не больше двух часов назад.»

«Простите,» – сконфузился дед. – «Но если вы по-настоящему хотите упокоиться, то стоит отправиться в Медвежий угол, тот, что за Кудыкиной горой. Медведи стихов не читают, а людей там и вовсе нет. Услугу свою медвежью они Вам охотно окажут, если не боитесь.» Дед Богдан поехал.

«Хм. А ведь это идея,» – задумался Бессмертный классик, любезно поклонился и отбыл, шлепая босыми пятками по пыльной дороге.

Потрясенный встречей дед долго смотрел ему вслед: «Подумать только! Встретить живого классика! Я даже подумать не мог! Я же этого парня только на портретах и видел. Вот видишь, не зря мы отправились в путешествие!»

Дед был воодушевлен. Иван обескуражен. Воображение рисовало ему целую вереницу писателей и поэтов, покинувших свои портреты на школьных стенах и разгуливающих по свету.

Глава 3.

К вечерней зорьке путники добрались до мельницы. Сложенная из унылого серого камня, она была сооружением монументальным, но неприглядным. Впрочем, как и сам мельник, удивительно статью на нее походивший. Огромное, ступенчатое, позеленевшее от времени деревянное колесо медленно крутилось, поскрипывая. Речушка, вращавшая его, была неширока, но не по равнинному стремительна. Перебраться через такую на лыжах было сложно. Унесет, да и швырнет о камни. Лыжи размолотит в крошки, а сам воды нахлебаешься, да шишек набьешь.

Ушлый мельник хорошо это понимал, а потому соорудил близ мельницы мостки, проложив три длинных бревна от края до края речушки. По двум берегам они были закреплены камнями. Переправа была узкой, повозка не проедет, только пешие путники и могли пройти. Дабы ни один из них не мог прошмыгнуть бесплатно, мельник перегородил вход козлами, на которых болталась табличка, гласившая:

Проход через мост:

Человек – 1 деньга

Лошадь, корова, свинья, коза – 1 деньга

Бараны и овцы – бесплатно.

На другом берегу реки раскинулось большое село. Людей здесь жило видимо-невидимо. Сотни три, а то и больше. В

селе был трактир (для путников, сельчанам то он без надобности), лобное место для наказания преступников (заросшее крапивой по пояс вследствие простоя) и торг, устраиваемый по воскресным дням. Одним словом, цивилизация. Это было самое дальнее от дома место, в котором доводилось бывать Ивану. По осени здесь проводилась окружная урожайная ярмарка с обязательным конкурсом на самую причудливо скрученную морковку и лазаньем на голый столб за призами. Привязанные вниз головой на верхушке столба гуси гневно шипели и щипали спасителей. На столб дед его не пускал по малолетству.

Мельник был тут же. Сидя на деревянном ящике у мельничной стены, он перед сном закусывал вареной репкой, обмакивая ее в тертый хрен. Да такой едкий, что слезы текли у него из глаз, не переставая. Но прежде, чем дед успел вступить с жующим мельником в беседу, на дороге показался путник, при виде которого у Ивана рот открылся от удивления сам по себе.

Тяжело ступая, согнувшись в три погибели и не поднимая глаз от земли, к мельнице приближался дюжий мужик. На его широких плечах высилась целая конструкция, более всего походившая на дом. Прямо по центру, на заливке, сидела, свесив толстые ноги в ярких чулках, дородная бабища в цветастом платке, завязанном на макушке луковкой. Она, шумно дую, пила чай из блюдца и жевала сдобный калач.

На правом плече мужика попыхивал самовар. Пристроив-

шаяся рядом с ним круглощекая девушка лет шестнадцати наливала в чашку чай и одну за одной таскала ириски из вазочки. На левом плече, уткнувшись носом в пуховую подушку, храпела усатая старуха.

Дойдя до перегороженных мостков, мужик остановился и тяжело вздохнул. Тут же с его плеча соскочила на землю девушка и подала мужику чашку чая: «Выпейте батюшка. В горле, должно быть, пересохло.» Ласково глядя на отца, она напоила его чаем и накормила калачом. Была девчушка ладная, крепенькая и наливная, как зеленое яблочко с красным бочком. Тугая рыжеватая коса шлепала ее по спине, босые розовые пятки сверкали в пыли.

«Здравствуйте, люди добрые!» – вступил в беседу дед. – «Вы кто ж такие будете?»

«Захребетники мы,» – легко пояснила девушка. – «Сидим вот все на шее у батюшки.»

«Чего только на белом свете не бывает,» – подивился дед. Пока девчушка отбежала в кусты по малой надобности, мужик, по прозвищу Антип, вступил в переговоры с мельником.

«Почем проход по мосту?»

«Одна деньга с человека.»

Порывшись в кошеле, висящем на шее, Антип вынул монетку, протер ее о штаны и подал мельнику. Тот, однако, деньгу не взял, для верности даже спрятав руки за спину.

«Одна деньга за одного человека, а вас четверо,» – пояс-

нил он.

«Так идти по мосту будет только один,» – встряла баба в платке-луковке.

Возразить мельнику оказалось нечего. Логический спор зашел в тупик.

«Бери деньгу и отворяй,» – скомандовала баба. – «А то вброд перейдем, вообще ничего не получишь. Груша, полезай на место.»

Девушка, потупив глаза, неловко устроилась у самовара. Антип, согнувшись, зашагал по мосту.

«Овцы,» – зло сплюнул мельник им вслед, когда компания удалилась на приличное расстояние. Торговаться с мельником, находящимся в расстроенных чувствах, не имело смысла. Дед Богдан с сожалением проводил взглядом две деньги, упавшие в бездонную мошну мельника и вступил на мост.

Глава 4.

Все приличные дороги ведут в трактир. Не была исключением и та, по которой шли путешественники.

Трактир был длинным, приземистым сооружением без окон, похожим на сарай. В свое время трактирщик здраво рассудил, что оконные стекла, регулярно разбиваемые подвыпившими посетителями, – дорогое удовольствие. И заложил все окна кирпичами. Дешевле выходило покупать в достаточном количестве свечи, чтобы освещать помещение круглые сутки.

Втянув носом запахи, доносившиеся с кухни, дед оживился: «Такой ерунды на постном масле, как здесь, больше нигде не подают. Пальчики оближешь. Только смотри, язык не проглоти. Уж больно дорого потом к лекарю обращаться, чтоб достал.»

Ерунда на постном масле, поданная на большой круглой сковороде, шкворчащая и духовитая, представляла из себя смесь различных овощей и мясных остатков, зажаренных до хрустящей корочки. Подбирая капли масла корочкой хлеба, дед и внук уплетали за обе щеки.

За соседним столом дружно хлебало кашу деревянными ложками семейство захребетников: многострадальный Антип, супруга его Лукерья, теща Гадюка Аспидовна и дочка Груша. Горшок каши, стоящий перед ними, исходил паром.

Груша то и дело поглядывала на парня, ловко отводя глаза всякий раз, как он решался посмотреть на нее.

Тем временем дед, пользуясь моментом, пока Лукерья и Гадюка Аспидовна подсели к большому самовару в центре зала испить чайку, завел разговор с Антипом.

«Дородное у Вас семейство. Тяжело, небось, таскать на плечах всю дорогу?»

«И не говори,» – отозвался бедолага.

«Как же вас так угораздило?» – продолжал настойчиво любопытствовать дед.

«Сам виноват,» – неохотно признался Антип. – «Как Лукерью в жены брал, по пьяни на свадьбе поклялся, что семья моя никогда ни в чем недостатка знать не будет, на горбе своем всех вывезу, все выдюжу. Нет бы поклялся быть семейству надежной опорой или чего там еще обычно говорят. Эх! Хмель проклятый! Так и мыкаюсь с тех пор. Жена, теща, да дочка – все мои захребетники. Хмельного с тех пор в рот не беру. Зарекся.»

«Что ж не освободили они Вас от данного слова?»

«Да зачем им? Хорошо сидят, ножки свесили. Грушенька вот только облегчить мою участь пытается. Будь ее воля, и вовсе на шею не садилась бы. А слово неосторожно даденное теща таскает как камень за пазухой, да бережет пуще глаза.»

«Несправедливо это, тятенька,» – встряла в разговор девушка. – «Я у тебя этого слова не брала. Меня тогда еще и в помине не было.»

Вечер в трактире только набирал обороты. Дым от коптящих свечей коромыслом повис посреди зала. Одним концом коромысло касалось фыркающего самовара, другим – пышущего жаром камина, где над углями подрумянивался поросенок.

В поисках ужина и ночлега в трактир стекались усталые путники со всех сторон. Оборотистый трактирщик носился по залу с огромным подносом, уставленным мисками и горшками, наполнял глиняные кружки кукурузным элем, неспешно крутил вертел с поросенком. В общем, работал не покладая рук. Порой он даже оставлял свои руки крутить вертел, а сам бежал на кухню поторопить супругу-трактирщицу, спешно чистившую овощи и щипавшую кур.

Присматривать за своим шумным хозяйством ему приходилось во все глаза. Дабы ничего не упустить из виду, он, оставив на месте один глаз, второй цеплял на затылок. Так никому не удавалось улизнуть, не заплатив.

Через некоторое время в трактире появился новый гость. Франтоватый мужичок ступал уверенно, хотя и нетрезво. Одет он был не по сезону: в шелковую, с зеленым отливом рубаху, бархатный пиджак с позолоченными пуговицами и красной кожи сапоги. На голове у него красовалась широкополая соломенная шляпа с сеткой, со всех сторон спускающейся на плечи, а на руках – тонкие лайковые перчатки.

«Это кто ж такой будет? Пасечник, никак?» – любопытствовал дед.

«Сам ты пасечник,» – обиделся гость. – «Это новомодный аксессуар. От комаров и мух защищает.»

«А-а,» – озадаченно протянул дед. – «Присаживайтесь с нами, коли не побрезгуете.»

Гость важно оглядел переполненный трактир и соизволили принять приглашение.

«Аристарх,» – высокомерно представился щеголь. Аккуратно размещая на столе снятую шляпу. Потом он стянул узкие сапоги и с облегчением пошевелил пальцами почему-то босых ног. По залу поплыл непередаваемый аромат, соперничая по силе с запахом жареного поросенка.

«Взопрел чуток,» – виновато хихикнул франт.

«Трактирщик, а трактирщик! Неси мне мяса. Поросенок готов? Вот его и давай. С кашей,» – по-петушиному тонко прокричал он.

Трактирщик при виде денежного клиента засуетился. В этот момент в трактир вошли два мрачного вида амбала и молча уселись напротив щеголя. Тот немного притих, но, когда трактирщик принес блюдо с едой снова раздухарился. Нарочито медленно, пальчик за пальчиком, франт стал стягивать с рук перчатки. И стоило ему только стянуть первую, посетители трактира охнули и благоговейно затихли.

Руки у Аристарха были золотыми. Франт наслаждался произведенным эффектом. Лишь два амбала стучали в тишине ложками, не обращая на происходящее никакого внимания. Они это зрелище видали неоднократно. По залу про-

бежал шепоток: «Золотые руки. Счастливчик. Везунчик.»

«Скажи-ка, мил человек, а как же этими руками нитку в иголку вдеть, скажем, или зад подтереть можно?»

«Все можно,» – авторитетно заявил Аристарх. – «Только не нужно. Мне и нитку в иголку вденут, и зад подотрут, если надо. Я, если хочешь знать, могу вообще ничего не делать. Были бы деньги. А с золотыми руками они всегда есть.»

«Откуда ж они есть?» – продолжал докапываться пытли-
вый дед Богдан. Посетители трактира к тому времени уже
отмерли и вернулись к ужину.

«Откуда, откуда?» – неожиданно зло ответил Аристарх. –
«Не от верблюда. Из банка, разумеется. Заложил я руки под
пожизненное содержание. Теперь и горя не знаю.»

«А отдавать как будешь?» – не унимался Дед.

«А отдавать не буду. Вот когда помру, банк возьмет, что
ему причитается.»

«Это руки, что-ли?» – ахнул, догадавшись, Дед.

«Руки,» – неожиданно басом подтвердил один из мрач-
ных амбалов. – «Заканчивай, спать пора,» – хмуро бросил
он Аристарху.

Франт сник, без аппетита обгрыз свиное ребро, вытер ру-
ки о штаны, надел перчатки и отправился спать.

Дед Богдан и Иван ночевали на сеновале. Места здесь
трактирщик бесплатно предоставлял тем, у кого были день-
ги на ужин, но не хватало на комнату.

«Но как же банк заберет у него руки, дед?» – в который

раз спрашивал парень. Воображение рисовало ему возможную картину, но поверить в нее он никак не мог. Уж больно кроваво получалось, не по-человечески.

«Ну ты же видел двух мордovorотов. Банк приставил их для охраны своей собственности. Такие не только руки отрежут, но и сердце из груди вырвут.»

«А разве бывают и сердца золотыми?»

«Слышал я об одном таком бедолаге. Что сердце у него золотое выяснилось уже после смерти. Бык поддел его на рога и распорол грудину. Родственники как увидели блеснувшее внутри золото, так вместо того, чтобы звать лекаря, разорвали несчастного на части.»

«Жуть,» – поежился одаренный богатым воображением внук, представив.

«Жуть,» – согласился дед. – «А ты представь, если бы этих мордovorотов рядом с ним не было? Долго бы он протянул со своими золотыми руками? Уже валялся бы в канаве с перерезанным горлом, убитый душегубами.»

«А эти банковские амбалы разве не душегубы?» – спросил внук.

«И эти душегубы,» – согласился дед. – «Но легализованные, на службе. А это не в счет.»

Поднялись путешественники ни свет, ни заря, решив прошагать по утреннему холодку сколько получится, а в полдень передохнуть в тенистом уголке. Вчерашней усталости как не бывало.

Глава 5.

Болотные лягушки, только что закончившие ночной концерт, зевали и укладывались спать в зарослях. Крепкие розовые пятки без зазрения совести пинали их по сторонам, срезая путь. Груша, подобрав повыше подол платья, прыгала с кочки на кочку, крепко сжимая в кулачке маленький, но увесистый обломок гранита, черного, с седыми прожилками в форме ветвей дерева.

Она уже не сомневалась в том, что ее не догонят, но продолжала бежать. Визгливые голоса Лукерьи и Гадюки Аспидовны еще звучали у нее в ушах. Без сомнения, они перебудили всех постояльцев трактира.

Решительно настроенная, спать с вечера Груша не ложилась. Старательно сопя, она сделала вид, что уснула, а потом долго прислушивалась, как ворочались две кабанихи – мать и бабка. Осторожно поднявшись уже под утро, Груша приблизилась к Гадюке Аспидовне, едва дыша расстегнула пуговку у нее на груди и увидела кожаный шнурок. Стараясь не смотреть в лицо бабке, дабы та ничего не почувала, девушка начала осторожно вытягивать его сантиметр за сантиметром. Кожаный кошель, в котором Гадюка хранила данное отцом слово, мягко скользил по ее костлявой груди, пока, наконец-то не выскочил из расстегнутой рубахи. У Груши уже не было сил таиться. Ноги затекли от неудобной позы, пот

заливал глаза. Она выпрямилась, и в этот момент бабка открыла глаза.

Девушка в испуге отпрыгнула от постели, как кошка, произведя при этом грохота, точно слон в посудной лавке. Теперь уже проснулись все. Медлить было нельзя. Всполошившаяся бабка уже затеплила свечку, сейчас увидит зажатый у Груши в кулаке камень и пиши пропало. Они с матерью в два счета Слово отберут.

Девушка кинулась к двери и уже оттуда, с относительно безопасного расстояния, прокричала Антипу: «Тятенька, Слово у меня. Ты теперь свободен! Слышишь? Свободен.»

Не доеной коровой взывала Лукерья и бросилась к дочери. Она даже успела схватить Грушу за рукав платья. К счастью, ткань треснула, и, оставив кусок рукава в руке матери, Груша же опрометью бросилась вон из комнаты

Теперь вот прыгала по кочкам, улепетывая. Первоначальный страх, что ее догонят, уступал место радости. Наконец-то отец был свободен. О себе Груша в пылу побега как-то позабыла. О том, куда теперь идти и что делать, она призадумалась ближе к полудню. Присела на берегу тихой заболоченной старицы реки и опустила гудящие ноги в воду.

О том, чтобы вернуться в родное село Семипятничное и речи быть не могло. Вмиг найдут. Да и опротивело ей там.

Когда-то село было большим и богатым. Славилось на всю округу сушеными сливами размером с кулачок ребенка, сладкими и духовитыми. Благосостояние жителей росло

как на дрожжах. И в какой-то момент они обленились. А вот развлечений в селе, как и в любом другом, не хватало. Тогда на общем сходе сельчане постановили, что каждый день отныне – пятница. А значит, кабак, который обычно открывался по пятницам и работал три дня, отныне должен быть открыт ежедневно и круглосуточно. Так и стало в селе семь пятниц на неделе, а само оно отныне именовалось Семипятничное. С тех пор утекло много воды, пива и кукурузного эля. Сельчане ленились, нищали, спивались. Сливы измельчали, одичали и разбежались по округе. Нет, в село Груша не вернется.

Солнышко припекало, и Груша совсем разомлела, сидя на бережке. Бурая, почти неподвижная вода внезапно плеснула, и белоснежная лилия вынырнула из воды неподалеку от берега, распустив лепестки. Следом еще и еще одна. Неприглядная старица преобразилась, покрывшись нежными цветами. От такой красоты у девушки захватило дух. Ноги сами понесли ее в воду, даже платье подобрать не успела. Шаг, другой, третий. Казалось бы, до ближайшего цветка уже можно дотянуться рукой, но он словно уплывает, отдаляется от девушки. Манит, колышет лепестками. И Груша делает еще шаг, второй, не замечая ничего вокруг, замороженная красотой цветка.

Внезапно сильные руки схватили девушку сзади в охапку и потащили из воды. Она билась и сопротивлялась. Но Иван (а это был именно он) продолжал волоочь ее на берег. И толь-

ко когда Грушины ноги коснулись земли, морок с нее спал. Девушка оглянулась на воду: ни лилий, ни солнечных бликов на воде, ничего. Только мутная болотная жижа и гниющая растительность.

Иван, между тем, приложил палец к губам: «Т-с. Тише.»

«Почему? Что это было? Куда делись лилии?» – шепотом спросила девушка.

«Не было никаких лилий. Морок только. Это же Тихий омут, здесь черти водятся. Разве ты не видишь? Как тебя угораздило здесь остановиться? Идем скорее, пока черти не повылазили. Или чуму болотную не подхватили, с ней ни один лекарь не справится,» – с этими словами парень уводил Грушу все дальше и дальше от берега.

«Тихий омут? Я не знала. Я никогда их не видела. А какие они – черти? Ты их видел?»

«Нет. И не хочу. Тот, кто видел, уже ничего не расскажет. Пойдем быстрее, пока нас не уволокли,» – торопил ее Иван.

«Как ты здесь оказалась, милая? Где твоё семейство?» – встретил девушку расспросами дед Богдан.

Груша недолго поколебалась, а потом разоткровенничалась. Нелегко хранить секреты, когда тебе 16-ть лет и ты впервые осталась одна-одинешенька.

«Я у бабушки Слово украла и сбежала. То самое, что тятенька дал. Теперь никто не сможет сидеть у него на шее,» – сбивчиво объяснила девушка.

«Ай да девка, ай да молодец!» – восхитился дед.

«Вот не знаю только, куда его деть, чтобы никто не нашел,» – показала Груша матово поблескивающий камень.

«Так давай в Тихий омут и закинем,» – предложил Иван. – «Гиблое место. Что туда попало, то пропало.»

Так и поступили. Ни о чем не сговариваясь, дальше пошли вместе.

Глава 6.

Дед Богдан решил больше не тратить деньги на трактир, посчитав, что можно бесплатно поспать на сене, а поужинать захваченной из дома снедью. Монеты следовало побереечь для покупки языков, что до столицы доведут. Кожаные, толстые языки (дабы не истрепались в дороге) покупались при вступлении на тракт и служили проходным документом для каждого путешествующего. По проселочным дорогам путешествовать можно было бесплатно, но уж больно муторно: узки, каменисты, обочины кусачей крапивой заросли, колодцы мусором завалены.

Путешественники расположились в стороне от дороги на берегу ручья. По одну сторону от него раскинулось поле, утыканное нарядными подсолнухами. По другую – полянка, окруженная подступающими с трех сторон деревьями. Неизвестный рачительный хозяин уже скошил с нее траву и поставил аккуратный стожок.

По очереди окунувшись в ручье и поужинав, растянулись на травке. Ночи были еще теплыми, огня зажигать не пришлось. Дед, собиравшийся раздербанить стожок на мягкую подстилку, вдруг замер. Внутри стога что-то шевелилось. Дед от неожиданности присел и зашептал: «Никак лиса, а может кабан.»

«Стали бы они в стогу торчать?» – разумно возразил

Иван.

«Обходи с другой стороны,» – велел Дед. – «Да палку какую возьми. Я с этой стороны шурудить буду, а ты там смотри, не зевай.»

Вооружившись крепким суком, дед размахнулся и с размаху сунул его в глубину стога. Оттуда сию же минуту раздался такой вопль, что у путников волосы встали дыбом. Вопль перешел в вой, потом в плач и, наконец, затих. Из стога никто не вылез.

«Дед, давай с двух сторон ткнем. Тогда ему деваться некуда будет,» – азартно предложил парень. Палки вонзились в стог сена. Нечто, прятавшееся внутри, отчаянно взвыло и взвилось вверх. Охапки сухой травы разметало по сторонам и на макушке стога показалась человеческая голова. В ужасе озираясь по сторонам, она жалобно скулила: «Не надо, не надо больше.»

«Тю,» – бросил палку дед Богдан. – «Да это ж Аристарх. Ну напугал нас. Ты что здесь делаешь?»

Франт тем временем выбрался из вороха сена: «Прячусь, конечно. Что же еще?»

«От кого же, мил человек?»

«Да от банковских работников,» – вздохнул Аристарх. – «Утек я от них ночью. Теперь боюсь, как бы не нашли.»

«А зачем деру то дал? Али не угодили они тебе чем?» – продолжал ехидно любопытствовать дед. – «Кормят, поят, охраняют, сам говорил. Все твои нужды удовлетворяют.»

Аристарх замялся: «Да не меня они охраняют, а руки мои. Живу, как в тюрьме. А последнее время мне все больше кажется, что не будут они ждать кончины моей естественной. Зачем им? Можно ведь ускорить процесс, так сказать. Придушат меня где-нибудь в темном углу и скажут, что так и было. Банк в прибыли. А я ... ,» – щеголь всхлипнул.

«А-а-а,» – понимающе протянул дед. – «Ну так ты заройся до утра обратно в стог от греха подальше. А там видно будет.»

Как-то само собой получилось, что прибился Аристарх к компании путешественников. Оказался он охоч до разговоров, не в меру хвастлив, а заслышав стук копыт по дороге, немедля пускался наутек в ближайшие кусты.

Аристарх был единственным отпрыском весьма обеспеченных родителей. Появился он у них поздно, в том возрасте, когда бездетные пары уже оставляют надежду на продолжение рода. А потому с детства как сыр в масле катался. Главную отличительную особенность своего чада – золотые руки благоразумные родители прятали под нитяными или кожаными (смотря по сезону) перчатками. А как дитяtko побежало своими ножками, так за ним стали ходить нанятые «дядьки» от беды защищая, да осторожности вразумляя.

Кончилась беззаботная Аристархова жизнь, как водится, в один момент со смертью родителей. Испробовать новомодное развлечение – подъем на воздушном шаре, привязанном к земле канатом, родителей уговорил Аристарх. Дух захва-

тывало, когда плетеная корзина с людьми поднялась сначала выше крыш, а потом выше самых высоких деревьев и начала витать в облаках. После чего длина каната закончилась, и воздушный шар стал покачиваться из стороны в сторону.

Неизвестно, в какую небесную прореху вырвался тот отчаянный порыв холодного ветра, что заставил лопнуть натянутый канат. Но, увы, это произошло. Ветер гнал беспомощный шар по небу, корзина, опасно кренясь, волочилась следом. Маменька выпала над морем и камнем пошла ко дну, папенька – над Медвежьим углом. Больше его никто не видел. Аристарх же каким-то чудом удержался.

Ветер долго гонял по небу занятую игрушку, пока, наконец, не отпустил. Измочаленный шар грохнулся о землю, юношу выкинуло из корзины с переломанными костями, но живого.

Так он и оказался один.

Скоро выяснилось, что благополучие семьи зиждилось исключительно на папенькиной деловой сметке, которую Аристарх, увы, не унаследовал. А потому, продолжая жить на широкую ногу, как привык, он вскорости промотал родительское состояние. И не придумал ничего лучше, как заложить в банке свое единственное сокровище – золотые руки.

Спутником Аристарх оказался неприхотливым, развлекая товарищей всяческими байками и небылицами. Вскоре путники добрались до тракта: хорошо утоптанного, с унавоженными до чохлости кустами по обочинам и обстоятельными

дорожными указателями на развилках.

«Ну вот мы и вышли на большую дорогу,» – прокомментировал дед Богдан.

Глава 7.

Через некоторое время спутники добрались до маленького городка, на воротах которого красовалось огромное изображение улыбающегося человеческого лица, перечеркнутое крест-накрест.

«Это кто ж такой будет?» – озадачился дед.

Городок, угрожающе оцетинившийся сотнями каминных труб, был мрачноват, грязноват и выглядел запущенным. Примерно так выглядит кладовка у нерадивой хозяйки перед весенней уборкой: по углам паутина, на полках пыль и плесень. Несмотря на дивную летнюю пору цветения ни у одного дома не пестрел благоухающий цветник, не поскрипывали повешенные на крепкий сук детские качели, не упражнялись в красноречии зазывалы на рыночной площади. Вороны, оседлавшие неподвижные флюгеры, провожали пришельцев пристальными неприветливыми взглядами, порой роняя многозначительное «Кар-р-р.» И повсюду, буквально на каждой двери им встречалось то же самое перечеркнутое изображение улыбающегося человеческого лица, что и на городских воротах.

«Может быть это известный преступник?» – предположил Иван, вглядываясь в смеющееся лицо, самое обыкновенное – курносое, щекастое, добродушное. – «Не похож на злодея.»

«Может и так,» – согласился дед Богдан. – «Но что-то

здесь не так, сердцем чую.»

Несмотря на середину дня, город казался удивительно пустынным. Встреченные ими горожане почему-то были сердиты, с опаской смотрели на чужаков, будто ожидая от них какого-то подвоха, и быстро шмыгали в переулки и подворотни. Так что и дороги спросить было не у кого. Пока, наконец, путешественники не набрали на открытую лавку булочника. Сам булочник – угрюмый дядька с грустно обвисшими усами и в перепачканном мукой фартуке как раз выгружал на прилавок свежеиспеченные ватрушки – сдобные, румяные, духовитые.

Груша втянула носом воздух, порывшись, вынула из кармана мелкую монетку и протянула ее булочнику: «Как пахнет вкусно. Дайте пару ватрушек, пожалуйста.» И дружелюбно улыбнулась.

Дальше произошло нечто странное и непонятное. Булочник, и так неприветливый, вдруг резко побледнел, выронил поддон с ватрушками и, скривившись, будто от зубной боли, упал на землю и покатился вниз по улице, охая на ухабах булыжной мостовой. Следом за ним золотистыми солнышками запрыгали по булыжникам мостовой ватрушки. Путешественники замерли, разинув рты от удивления.

Катящийся по улице булочник грохот производил оглушительный. На его вопли распахивались окна, а из открывающихся дверей выбегали люди. Вооружившись дубинками, пиками, а то и кольями из ограда, они обступили путе-

шественников со всех сторон. Суровые выражения их лиц добра не предвещали. Самые отчаянные накинулись на чужаков, повалили, скрутили, плотно завязали рты цветными платками. А затем, мычащих и упирающихся, заперли в подвале городской ратуши.

Горожане оказались скоры на расправу, поэтому в подвале спутники провели всего одну ночь. Уже рано утром их вывели на спешно сооруженный на городской площади помост. Толпа горожан, безмолвная, мрачная и угрюмая, как осеннее небо, окружала его со всех сторон.

Серьезный глашатай окинул преступников пренебрежительным взглядом, развернул свиток и, прочистив горло, приступил к чтению.

«Девятого числа месяца зеленых яблок сего года чужаки вторглись в наш город и совершили самое страшное преступление – ...» Глашатай выдержал трагическую театральную паузу: «смех.» Путешественники изумленно переглянулись. «А посему город приговаривает их к зашиванию ртов и пожизненному изгнанию из города.»

Толпа горожан одобрительно загудела. У Аристарха волосы встали дыбом. Приподнятую ими шляпу мигом унесло ветром. До спутников начал доходить смысл повсеместно виденного ими в городе изображения – перечеркнутого улыбающегося лица. Несчастные горожане были обречены никогда не улыбаться и не слышать даже детского смеха. Стоило лишь ребенку по детскому неразумению радостно улыбнуть-

ся при виде матери, как бедная женщина немедленно валилась на землю и начинала кататься. Поэтому детей в городе учили быть серьезными с раннего детства, никогда не балуя улыбками.

Чтобы не спровоцировать у жителей городка случайный смех, развлечений в нем не было. Совсем. Ни качелей, ни каруселей, ни народных гуляний, ни городских праздников. Бродячие цирки и театры к городку не подпускали и на пушечный выстрел.

Самое удивительное состояло в том, что покидать это проклятое место люди не торопились. Ведь если развлекаться нельзя, то что остается? Правильно, работать. Город процветал. Даже самый захудалый дом мог похвастаться облицованным дорогим камнем или глазурованной плиткой каминном, добротной дубовой лестницей и резными наличниками. Не было только радости.

Глашатай отступил несколько шагов назад по помосту, пропуская еще одного человека. Это был лекарь. На принадлежность к профессии указывали скрещенные кости и череп, изображенные на его длинном кожаном фартуке. Вслед за невозмутимым лекарем следовал столь же невозмутимый ученик лет 12-ти с подносом в руках. На нем аккуратно были разложены тонкие иглы, прямые и крючком, прочные иглы из животных жил, ножницы и склянка с кукурузным спиртом для обеззараживания и анестезии. Лекарю не часто приходилось заниматься такой работой, все же глупцы в город

забредали редко. Но человеком лекарь был законопослушным, а потому готовился приступить к делу.

Вперед неожиданно выступил Аристарх. Гневно сверкая глазами, он жестами показал, что хочет что-то сказать. Лекарь и глашатай переглянулись. Последнее слово приговоренного – святое дело. Особенно, если слово действительно может стать последним из-за зашитого рта. Отказать приговоренному было нельзя. А дабы он не думал засмеяться, у горла говорящего следовало держать нож. Нож держал лекарь, глашатай осторожно развязывал платок. Аристарху было не до смеха.

«Дайте мне большую красную луковицу,» – обратился он к спутникам, вытаращившим глаза от изумления. – «И пару репок. Скорее.» Все без исключения проводили поданное Аристарху недоуменными взглядами.

Тот, ни слова больше не говоря, вдруг подкинул луковицу вверх, следом за ней взлетела желтая репка, потом вторая. Овощи заходили у Аристарха в руках, словно заговоренные: вверх – вниз, из одной руки в другую. Горожане разинули рты. Первым прыснул ученик лекаря. Смешок вырвался у него непроизвольно. Опомнившись, мальчик в испуге зажал рот двумя руками. Но было поздно. Лекарь уронил нож и согнулся пополам. Потом залился радостным смехом трехлетний малыш, сидящий на руках у матери. Следом еще и еще дети. А Аристарх продолжал жонглировать овощами.

Через несколько минут на площади происходило невооб-

разимое. Глашатай, лекарь и его ученик уже скатились от смеха по помосту. В толпе горожан там и тут начинались беспорядочные свалки. С треском сталкивались лбы, летели искры из глаз. А дети продолжали смеяться.

Тут уж путешественники не сплеховали. Спешно развязав друг другу рты и руки, они попрыгали с помоста и дали деру вон из проклятого города.

«Аристарх, ну ты голова!» – на бегу восхищался дед Богдан. – «Пропали бы без тебя ни за грош. Точно говорю, пропали бы.»

Глава 8.

Быть олухом совсем не плохо. Никто не воспринимает тебя всерьез, не возлагает никаких надежд, не дает ответственных поручений и не требует немедленно повзрослеть. Ты просто плывешь по течению, словно непотопляемое, высохшее добела собачье дерьмо в ручье, кружишься в водоворотах, огибаешь валуны, барахтаешься в прибое. Олухи, как правило, дружелюбны, послушны и неагрессивны. Обидеть их рука не поднимается. А сами они тем более в драку не полезут. Однако по глупости и безалаберности натворить бед олухи могут немало.

Особенно, если это Олух Царя Небесного. Трехметрового роста, с руками, напоминающими кувалды, любознательный и ласковый, будто теленок, Олух бродил по земле уже давно. То его видели складывающим пирамидки из камней на морском берегу, то гоняющим гусей на пруду, то ловящим ветер в ущелье среди скал. Природный энтузиазм не позволял Олуху сидеть без дела, но дела попадались сплошь хоть и масштабные, но какие-то бессмысленные. Царь Небесный отпустил своего Олуха восвояси и не приглядывал за ним ни единым глазом.

Люди Олуха почему-то не любили. Был он безобиден, но до того неловок, что какое дело ему не поручи, все пойдет наперекосяк. Стоило ему показаться на окраине какого-ни-

будь села, как сельчане, собравшись, немедленно начинали кидать в него камнями, гнилыми кабачками и коровьими лепешками, прогоняя бедолагу.

Олух тоже мог бы что-нибудь в них кинуть: оторвать колесо от телеги и метнуть его, срезая головы поселян, раскрошить печную трубу и швыряться в них кирпичами. Но Олух был незлобив и дружелюбен. Потоптав посевы и поломав несколько деревьев в садах (без злого умысла, только по неловкости) он, огорченный, уходил прочь.

Несмотря на это, люди ему нравились, и он очень хотел бы с ними подружиться. Люди его энтузиазм не разделяли.

Утренний туман, притаившийся в лесной лощинке, – забавная вещь. Если встать на цыпочки и высунуть из него голову, то видны деревья с зевающими на ветвях птицами. Если присесть, опустившись в туман, то видны лишь смутные очертания камней и кустов на дне сырой лощины. Играясь, Олух бред по лощине, плюхая босыми ногами по текущему в низине ручью, пока не заметил нечто любопытное.

На сухом пригорке чуть в стороне расположились на ночлег люди. Олух, стараясь не шуметь, взобрался на пригорок и присел рядом с погасшим костром. Людей было четверо. Видимо, Олуху все же не удалось прокрасться бесшумно, потому что стоило ему только присесть, девушка проснулась. Увидев сидящего у ее изголовья великана с огромными руками и маленькими злыми глазками, Груша издала такой пронзительный визг, что птицы замертво попадали с веток. Люди

повскакивали и разбежались по окрестным кустам, как тараканы. Олух огорчился. Он совсем не хотел никого напугать. Он обвел грустным взглядом округ и тяжело вздохнул.

Люди, испуганно повыглядывая какое-то время из-за деревьев, через некоторое время осмелели. Один из них даже вернулся назад к месту ночлега и нерешительно остановился чуть поодаль. Олух обрадовался и дружелюбно улыбнулся так широко, как только смог. Крепкие желтые зубы с застрявшими между ними перьями пойманной вчера куропатки произвели на человека неожиданное впечатление. Тот подскочил и снова пустился наутек к спасительным деревьям. Олух скис. Но человек вернулся. Следом за ним еще один.

«А я говорю, что это он так улыбается,» – упрямо сказал один.

«Скорее скалится и хочет тебя сожрать, дед,» – убеждал его второй.

«Хотел бы сожрать, сожрал бы спящими. Я думаю, он хочет подружиться,» – предположил первый.

«Ты с ума сошел.»

Олух снова улыбнулся. Люди попятились. Потом тот, что был постарше, смело выступил вперед.

Олух силен был во многом: мог поймать лошадь, перетащить ее через реку, разогнуть конскую подкову. Но разговоры были его ахиллесовой пятой. Несмотря на переполнявший его восторг, выразить его словами Олух не мог, лишь

блаженно улыбаясь во весь рот и мыча. Деду Богдану удалось выжать из него только нечленораздельно произнесенное имя – Олух и широко разведенные руки в ответ на вопрос: «Где ты живешь?».

«Надо понимать везде и нигде,» – заключил дед.

Примерно тем же мычанием он ответил на вопросы: «Чем живешь? Откуда родом? Есть ли семья?»

«Экий ты неприкаянный, Олух,» – резюмировал дед Богдан. Тот лишь довольно улыбался. Люди впервые не гнали его, разговаривали и угощали печеной в золе картошкой, которую он без ущерба для желудка поглощал с угольками.

Проблемы начались позже, когда путешественники увязали дорожные мешки и начали прощаться. Олух ни в какую не хотел расставаться с новыми знакомыми. Он увязался следом и упрямо брел позади. Слов не понимал ни добрых, ни злых (или делал вид, на что хитрости ему хватало). Простота иногда хуже воровства.

«Вот что,» – решил дед. – «Надо найти ему дело.»

Задача оказалась непосильной. Поначалу казалось, что из Олуха выйдет прекрасный пастух. Коровы, ласковые и безответные, с влажными карими глазами, Олуху нравились и отвечали ему полной взаимностью. Они следовали за новым пастухом с пастбища на водопой и обратно как привязанные. Не заладилось с быком. Своенравная скотина испытала Олуха на прочность, попытавшись боднуть в живот. Тот обиделся и недолго думая (точнее, не думая совсем) тут же дал бы-

ку в лоб пудовым кулаком. Бык упал замертво. Его хозяин схватился за голову. Дед, скрепя сердцем, рассчитался за понесенные им убытки. На том пастушество Олуха кончилось. Коровы проводили его печальным мычанием.

Косец из Олуха тоже не получился. Травы он больше мял и топтал, чем скашивал. Все время отвлекался то на найденное в траве гнездо куропатки, то на выскочившего оттуда же очумелого зайца и выбивался из стройного ряда косцов.

Мельник обрадовался было такому помощнику, ворочавшему мешки с зерном и мукой, будто пушинки. Но по природной своей неуклюжести вскоре один мешок Олух порвал, запорошив мукой и себя, и мельника. Зрелище его до того заморозило, что он немедленно вспорол и вытряс второй мешок. Белоснежная мучная пыль, поднимаемая поземкой сквозняком, холмиками устилала мельницу изнутри, никак не сочетаясь со стремительно багровеющим лицом мельника.

Карьера каменотеса (а уж в каменоломне, мнил дед Богдан, новому знакомому самое место) тоже не задалась. Нет, долбить камень Олуху очень даже понравилось. Здесь ничего нельзя было сломать, напротив, именно ломать и надо было. Было куда приложить всю свою силу. Но даже долбить камень надо с умом. В его отсутствии немудрено уронить каменюку на ногу, или кто-нибудь уронит ее на тебя. Олух справился сам и теперь, хромя, ковылял за путешественниками.

Спутники совсем приуныли. Отделаться от Олуха не было

никакой возможности. Избавление пришло откуда не ждали.

Бить баклуши – дело нехитрое. Коли себе чурбачки на деревянные заготовки, из которых впоследствии будут вырезаны всевозможные деревянные изделия для домашнего обихода: ложки, скалки и прочее. Олуха процесс заворожил. Он будто заранее видел, сколько ложек выйдет из той или иной чурочки, сколько деревянных свистулек или колотушек для мокрого белья.

Бригада тунеядцев, бывшая баклуши на опушке леса, быстро обучила Олуха премудростям своего ремесла и предоставила полную свободу действий. Олух полностью погрузился в процесс. Он нашел свое призвание.

Глава 9.

Город начинался внезапно. Только что были трава, деревья, птицы и бабочки, как внезапно они сменились мусором, помоями, мухами и тараканами. Только что стеной стояли заросли ежевики, как вдруг кончились, и путники уперлись в самую натуральную стену, сложенную из холодного серого камня. Неприятательные камнеломки упорно лезли вверх, цепляясь липкими усиками за трещины в камне, и даже умудрялись цвести маленькими беленькими цветочками, согреваясь днем на солнце.

Небо над столицей было серым, как мышиный хвост, изрядно закопченным и каким-то склизким на вид, будто замызганная половая тряпка, брошенная у порога. На таком небе не были видны ни радуга днем, ни звезды ночью. Солнце висело в небе тусклой серебряной монеткой и изо всех сил пыталось протолкнуть лучи через эту сумрачную дымку.

Городским воздухом дышать было нельзя. Ну по крайней мере с непривычки. Он был густым и духовитым, словно наваристая похлебка. Казалось, его можно резать ножом. Но варились в этой похлебке отнюдь не морковь, картошка и лук, а рыбы потроха, содержимое ночных горшков, вонючие лохмотья, нестиранная носки, гнилые зубы, дохлые кошки и прочие ингредиенты, столь же неприглядные и неаппетитные. Можете себе представить, каково количество грязных

носков и рыбьих потрохов в огромном городе?

Запахи никуда не исчезали. Изливаясь из выплеснутых помоев, они начинали собственную жизнь, витая в воздухе тонкими струйками, обдавая прохожих залпами, окутывая облаками целые улицы. Постепенно они смешивались и превращались в нечто и вовсе невообразимое, и только самый острый нюх мог различить их составляющие.

Город изобилует заборами. Да не маленькими нарядными декоративными оградками высотой по колено и выкрашенными белой краской. А прочными каменными стенами высотой в полтора человеческих роста, нередко утыканными сверху острыми осколками стекла. За такими стенами горожане чувствовали себя именно так, как и должны, – как за каменной стеной. Столица все-таки. И столица не только для рабочего люда, торговцев, девиц на выданье и начинающих поэтов, но и для жулья и воря всех мастей.

Помимо заборов город во множестве заполнили почтовые ящики всех форм и размеров. Они украшали входные двери в каждой лавке, трактире, доходном доме и даже казарме городской стражи и никогда не пустовали. Приезжему могло показаться, что горожане непрерывно пишут друг другу письма по поводу и без. Это было не так. Горожане почтовые ящики ненавидели и с радостью использовали бы их содержимое для растопки каминов, если бы это не было чревато большими неприятностями.

Дело было в том, что городское колдовское ведомство, по

совместительству ведавшее налогами (а налоги, по сути, и есть колдовство – деньги, возникающие из ничего), – учреждение на редкость скрытное и к посетителям неприветливое, общалось с горожанами посредством писем. Продал, например, обыватель дом, лошадь или тещины золотые зубы, а ему в почтовый ящик тут же уведомление об уплате львиной доли с продажи. И бесполезно оправдываться, что болел, мол, переехал, письма не получал. Незнание не освобождает от ответственности. А несвоевременная оплата увеличивает сумму долга. Правитель города – Лев, по счету шестнадцатый, свои интересы блюл ревностно и Львиную долю собирал аккуратно. А горожанам приходилось проверять содержимое почтовых ящиков ежедневно. Утаить нечто от городского колдовского ведомства было решительно невозможно. Ведь на него работали колдуны. Не настоящие, а так – недоучки-неудачники. Настоящее волшебство им было не по плечу, вот и сидели на окладах у городской казны.

Уведомления об уплате Львиной доли бились в почтовых ящиках горожан, как пойманные в силки птицы, и светились в темноте неугасимым алым светом. И захочешь о нем забыть, да не получится. Это тоже было работой колдунов на окладе.

Для предприимчивых людей грех было не воспользоваться такой возможностью. Поэтому пухли почтовые ящики от всяческой рекламной макулатуры, точно баба на сносях. Лекари предлагали свежепойманных жаб от бородавок и свин-

цовые белила для красоты лица; башмачники – деревянные башмаки на 10-ти сантиметровых колодках для удобства передвижения по городской грязи; свахи – девиц румяных, хозяйственных и не болтливых, имеющих исключительно серьезные намерения; типографии – печать рекламных листовок любого вида.

Столица путешественников ошеломила многоцветием вечерних огней, шумом, гамом, толчеей, многоэтажностью строений, воню помоек и вальяжностью крыс размером с кошку. Даже дед оробел. Нужно было остановиться где-то на ночлег и раздобыть ужин. А монет после погашения убытков от попыток трудоустройства Олуха оставалось катастрофически мало. Дед Богдан лелеял надежду в столице заработать денег на продолжение путешествия. В большом городе работы должно быть много, рассуждал он.

Попетляв по самым темным и грязным переулкам, путники нашли неказистый постоялый двор с трактиром, верно рассудив, что чем дальше от городских ворот, тем дешевле. Заодно было, правда, и грязнее, а вместо кукурузного эля подавали шмурдяк – дешевое вино из самого дряного винограда. Аристарху строго – настрого было наказано перчаток не снимать и язык не распускать.

Глава 10.

«Рукавицы ежовые
Для семейства бедового.
Будут крепко держать
Никому не дадут сбежать.»

Зычный голос торговца диковинным товаром перекрывал соседних зазывал. Люди у его лотка толклись, но покупать опасались. Товар был колюч, да и цена на него кусалась. Сколько несчастных ежеиков расстались с жизнью для изготовления одной пары ежовых рукавиц было неизвестно. Но вид они имели самый устрашающий. Самые обычные кожаные с наружной стороны, с внутренней они были утыканы сотнями игл. Кого бы не схватили такими рукавицами, ему точно не вырваться. Аристарх поежился, представив себе их прикосновение.

Торг – сердце любого города. Столица не была исключением. Для торжища отводилась центральная городская площадь, мощеная булыжником. Но как бы просторна она не была, торжищу места не хватало, и оно выплескивалось на окрестные улочки и переулки, словно поднявшаяся опара из кадушки. Здесь можно было бродить целый день, высматривая диковинки. Чем путешественники, собственно, и занимались

«Мотаем на ус ученье

Без всяческого мученья,»

– орал плутоватого вида мужичок. Вокруг его прилавка, заваленного всяческими, порой весьма причудливого вида, усами, толпились в основном студенты. Усы: моржовые – колючей щеткой, сомовые – воняющие тинной, кошачьи – пучками по два десятка и самые громоздкие и дорогие – китовые, пользовались неизменным спросом у нерадивых студентов и школяров.

«Дедушка Богдан,» – потянула старика за рукав Груша. – «Неужто и вправду можно чему-нибудь так научиться? Или это обман?»

«Ну отчего же сразу обман?» – усмехнулся дед. – «Кое-чему можно. Не быть легионерными глупцами, например. Учиться надо своим умом.»

«Дед, но ведь тогда получается, что это все-таки обман,» – возмутился Иван.

«Спрос рождает предложение,» – авторитетно заявил Аристарх, подняв палец вверх. – «Торговля тем и живет, как говорил папенька, что на дураках зарабатывает. И им наука будет.»

Иван насупился.

Дед же уже поймал за полу другого торговца, оживленно рассматривая его товар. Висевший на шее у мужика лоток был завален издающими резкий неприятный запах кругляшами бурого цвета. Были они разного размера, и к каждому приделана металлическая цепочка.

«Что это?» – брезгливо сморщил нос Аристарх.

«Как что? Это же в каждую бочку затычка. Универсальная,» – восторженно пояснил дед.

«Затычка не может быть в каждую бочку,» – разумно возразил внук. – «Она должна подходить по размеру.»

«Любая другая, деревянная там, или пробковая, действительно должна. А эта, сделанная из смолы редкого резинового дерева, – мягкая, но упругая, в любую дырку вставляется и там расправляется. А чтобы вынуть ее, вот, цепочка есть. В хозяйстве вещь незаменимая.»

«Брать будете?» – скупающе спросил торговец.

«А в какую цену?» – деловито уточнил дед Богдан.

«Пять монет.»

Дед аж застонал от досады. Именно столько у него и осталось на все житье-бытье. Крайне удрученный, он отступил. Торговец, смерив компанию презрительным взглядом, повернулся к ним спиной и ушел.

А мимо уже продирался следующий. Весь его товар умещался в небольшом ящичке со стеклянной крышкой.

«Сверчки певучии,

мелодии плакучии.

К шесткам приучены.

Сны навлекают.

С шестков не сбегают.»

В ящичке его прыгали, ударяясь о стеклянную крышку, две дюжины коричневых сверчков.

«Смешинки задорные,
Веселые и звонкие.
Ребятам покупайте,
Скучать не давайте.»

Прилавок, заставленный разнокалиберными пузатыми склянками, окружали гомонящие дети. В каждой банке бился маленький огонек. Хозяйка прилавка заговорщицким шепотом просчитала: «Один, два, три! Лови!» и открыла одну из склянок. Из него выпорхнула похожая на пушистое семя одуванчика смешинка и, медленно кружа, стала опускаться вниз.

«Ко мне! Ко мне! Лети сюда!» – хором закричали дети, подпрыгивая и широко открывая рты. Смешинка легким перышком покружила у детей над головами и неожиданно спикировала в рот стоявшей чуть поодаль Груше. Девушка робко хихикнула, прикрыв рот рукой, а потом безудержно расхохоталась. Смех оказался заразителен. Через минуту хохотала уже вся толпа у прилавка. Может ли быть лучшая реклама для товара?

«Вот бы нам мешок этих самых смешиночек да несколько дней назад,» – мечтательно сказал Аристарх. – «А то придумали, людям рты зашивать.»

Следующая лавка была полна утробного рычания, грозного урчания и отчаянных завываний. Продавались в ней коты. Как и положено – в мешках. Зверюги дикие, зубастые и клыкастые, готовые вцепиться в любого. Ловили этих диких

тварей в лесах, а покупали, не заглядывая в мешок, иначе удерут. Новые хозяева запирали котов в амбарах и погребах, чтобы никогда уже не выпустить. И не было охотников на крыс лучше.

Два сапога – пара

Отдаются не даром.

Не белыми нитками шиты.

Железом подбиты.

Зазывалки носились по рынку подобно стрижам. В одно ухо влетали, в другое вылетали.

Лучшие книжки,

Веселые раскраски:

«Бред сивой кобылы» и

«Бабушкины сказки».

Пусть настоящие птицы облетали городское небо – воющую клоаку стороной, газетные утки парили над городом вольготно. Шныряя между струйками дыма горящих очагов, миазмов городских сортиров и капельками утренних и вечерних туманов, они летали низко, чуть не над головами прохожих. Стоило какому-нибудь прохожему лишь поднять руку, как в ней немедленно оказывалась свежая утка. Долго газетные утки не жили – желтели, мокли, ветшали и распадалась в прах. Но смену им каждый день приходили новые.

Лавку колдуна горожане боязливо обходили стороной, украдкой заглядывая в окна. Колдуну Терентию было скучно. Продажи не шли совсем. Чего нельзя было сказать о его

заключением враге – лекарю Дорофее, чья лавка располагалась как раз напротив. Люди то и дело сновали туда-сюда, хлопая дверьми. Отчасти из озорства, отчасти рекламируя товар, Терентий высунулся за прилавок и пустил прохожему пыль в глаза. Светящаяся таинственным изумрудом (чисто декоративный эффект, на колдовские свойства не влияющий) легчайшая пыль взметнулась с его ладони, когда он дунул, и осыпала голову бедолаги. И прохожий тут же увидел мир другими глазами. Спутница его – носатая, костистая барышня в дырявом переднике мгновенно преобразилась в волоокую чаровницу из тех, что берут за любезность никак не менее десяти монет. А сам он – в бравого капитана городской стражи с заливчатски подкрученными вверх усами и пронзительным нагловатым взглядом. Девушки от таких млели.

Морок был недолгим. Изумрудная пыль рассеялась. Носатая барышня ткнула парня острым кулачком в спину и он, проморгавшись, понуро побрел вслед за ней.

Станным образом, покупателей это не привлекло, а, скорее, отпугнуло совсем. Вокруг лавки, несмотря на рыночную толчею, образовалось пустое пространство. Глупые людишки, и чего им надо?

Дела Терентия были плохи. Колдовские опыты по большей части кончались пшиком. А немногие удачные колдовские продукты, как та же пыль в глаза, еще надо было сбывать с рук. Быть любезным Терентий не умел, улыбаться клиентам не любил. Он вообще предпочел бы никогда не иметь с

ними дело. Но ничего другого, кроме как кое-как колдовать, Терентий не умел.

Путешественники не были исключением. Они гуськом пробежали нехорошее место и устремились в людскую гущу. Толпа становилась все плотнее с каждым шагом, пока, наконец, не зажала спутников со всех сторон. С возвышения, находящегося ровно посередине площади, громкоголосый дедина вещал зычным голосом:

«Проводится дополнительный набор в группу быстрого реагирования «Робкий десяток». Специализация – охрана домов, лавок, торговых караванов. Опыта работы не требуется.»

«Вечно у них недобор,» – прокомментировала язвительная кумушка рядом, переглянувшись с подругой.

«У Клима Кологрива пропала паршивая овца. Нашедшему вознаграждение – клок шерсти.»

«В стеклодувную мастерскую требуются стеклодувы, умеющие играть с огнем, но не сгорать на работе.»

«Городское казначейство предлагает услуги кур, которые денег не клюют. Куры – лучшее средство для проверки подлинности монет. Безошибочно определяя настоящие, они склевывают только фальшивые. За услуги – 5% отмытых денег.»

«Владелица большого хозяйства Аграфена Батьковна вступит в брак с претендентом, умеющим работать за троих: за себя, за нее и за того парня. За подробностями обращаться»

ся к свахе Лисе Патрикеевне.»

«Требуются добровольцы на мокрое дело для добычи уса китового, хрена моржового, рыбы летучей и гадов ползучих. Оплата натурой, сдельная.»

После череды рекламных объявлений детина перешел к делу: «Объявляется аукцион. Продаются три короба вранья. Напоминаю: короба формируются хаотичным образом, в них содержатся невыполненные обещания разных людей. Вскрыть короб можно только после покупки. Цена за один короб – пять монет.»

После этих слов детина выволок на помост тяжелый мешок и, развязав, продемонстрировал собравшейся толпе его содержимое. Несдержанные слова и невыполненные обещания грудой камней, металлических болванок и деревянных заготовок лежали внутри. Глашатай высыпал их в загодя приготовленные короба, разровнял и, захлопнув крышки, запечатал их воском. Торговля враньем приносила казне небольшой, но стабильный доход. Азартных глупцов, мечтающих разбогатеть таким путем, всегда было в избытке, а городу ничего не стоила.

Аристарх оживился: «Я слышал про такие короба. Порой там находят полезнейшие вещи. Например, обещание ново-брачной печь супругу блинчики каждое утро или родительское слово завести отпрыску собаку. Пес нам, конечно, без надобности, а блинчики каждое утро были бы очень кстати.»

Груша же, тоненько охнувшая, когда толпа, затаив дыха-

ние, наблюдала за манипуляциями аукциониста, побледнела и схватила Ивана за плечо: «Это тятенькино Слово! Оно там, в мешке.»

«Не может быть! Мы же его в Тихий омут бросили! Как же оно могло ... ? Да не ошиблась ли ты часом? Многие Слова похожи.»

«Оно это. Точно оно. Черное, с седыми прожилками, будто ветви дерева. Что же теперь будет?»

Дед призадумался. Пока он размышлял, один короб вранья под веселое одобрение толпы быстро сторговал дородный круглощекий весельчак в кожаном фартуке. Даже изображенные на нем череп и кости, казалось, добродушно хихикали.

Второй короб унес шустрый поваренок. Был он азартен и в покупке невыполненных обещаний видел способ изменить свою судьбу. А вдруг внутри окажется в сердцах данное богатой наследницей обещание выйти замуж за первого встречного?

Опомнившись, наконец, дед подсуетился и купил третий короб вранья. На сегодня торги были закончены, и толпа начала расходиться.

Короб вранья оказался тяжелым. Аристарх считал это хорошим знаком. Вскрывать покупку отправились на постоянный двор. Их ждало фиаско. Слова Антипа в коробе не оказалось. Хотя кое-что интересное все же нашлось.

Глава 11.

Колдуном Терентий мечтал стать с детства. С детства же ему и не везло. Взять хотя бы имя. Ну какого приличного колдуна зовут Терентий? То ли дело Феропонт, Яхонт или, например, Среброус, – солидно, звучно, высокопарно, даже несколько театрально, что колдуну очень даже кстати. А Терентий? Тьфу, а не имя. Для недалекого пастуха с самодельной дудочкой в самый раз будет. А для серьезного, грозного, могущественного, знающего себе цену (не меньше сотни монет за масштабный долговременный морок и не меньше десяти за пустячок) колдуна категорически не годится. Именно таким, грозным и всемогущим, Терентий и мечтал быть.

Получалось плохо. Если у могущественного мага урчит в животе, то клиент, и так робкий и пугливый, начинает задаваться ненужными вопросами. Вроде того, как всезнающий колдун может быть голоден?

В общем, отсутствие денег очень тормозило обретение могущества. Намного больше, чем неподходящее имя. Возможно поэтому Терентий был желчен, сух и вспыльчив, как высохший хворост. Его внушительная лысина была обрамлена мягким детским пушком, подвижные костлявые пальцы вечно что-нибудь теребили, а в уголках глаз и губ притаилось раздражение неудачника.

А раздражало Терентия многое. И в первую очередь ле-

карь Дорофей, чья лавка находилась напротив. Для клиентов такое расположение лавок имело вполне определенное преимущество. Если лекарь не мог решить проблему, то можно было, не мешкая, обратиться к колдуну, и наоборот. Казалось бы, беспроегрышная ситуация. Но вот парадокс – большинство клиентов почему-то доставалось Дорофею.

Лекарь был кругл, румян и свеж, будто булочка, только вынутая из печи. Дорофей сам был лучшей рекламой своего товара – розовощекий и пышущий здоровьем. Он катился по жизни добродушным колобком, проявляя к бедам клиентов столько участия и сопереживания, что те невольно проникались к лекарю уважением. Пусть даже проданные им мази, пилюли и притирания несколько не помогали.

К Терентию люди обращались лишь в случае крайней нужды. Колдун мог исправить то, что лекарю просто не под силу.

Вот, например, у какой-то кумушки зачесался язык. Болезнь не больно серьезная, но чрезвычайно заразная. Стоило только ей зацепиться языками с соседкой, как у той тоже немедленно начинал чесаться язык. Далее болезнь распространялась среди кумушек сродни лесному пожару. Лечение, между тем, было простейшим, посильным даже ученику лекаря. Надо было всего лишь смазать языки кумушек горчицей, да позлее. Охота к болтовне у них пропадала немедля. Языки горели огнем.

А вот, скажем, если какой-нибудь обжора проглотил язык,

предаваясь тревоугодию, то тут только колдун и мог помочь, вытащить его обратно целым и невредимым.

Тяжкие раздумья Терентия о хлебе насущном прервал нерешительный стук в дверь. Клиента, как всякую редкую птицу, упускать было нельзя. Поэтому грозно сдвинув брови, колдун поспешно распахнул дверь.

«Я занят,» – рявкнул он, нагнав страху на стоявшую за порогом компанию и сделал попытку (впрочем, притворную) закрыть дверь.

«Подождите! Подождите, господин колдун,» – отважно сунула в дверной проем голову средних лет взъерошенная дама. – «Это вопрос жизни и смерти. Нам нужна Ваша помощь.»

Вопросы жизни и смерти Терентий любил. Они всегда хорошо оплачивались, особенно такими вот экзальтированными дамочками.

Смерив компанию недовольным (тоже притворным, разумеется) взглядом, Терентий оставил дверь открытой и, повернувшись к страждущим спиной, вошел в лавку.

Следом за ним в дверь гуськом втянулись: вышеупомянутая слегка помятая жизнью дама с торчащими во все стороны (видимо от волнения) волосами; заламывающая руки тщедушная девица с лихорадочным блеском в глазах; еще одна девица – постарше, с отчетливо читающейся на лице отчаянной решимостью, и зажатый между ними юный поэт.

О, поэта можно узнать без труда! По шапке буйных куд-

рей, трагическому взгляду, оторванности от всего суетного и мирского (вследствие чего оторванными у поэтов часто бывают пуговицы, рукава и подметки штиблет) и шлейфу восторженных поклонниц, даже если поэт непризнанный. Особенно, если не признанный. Не каждый поэт становится бессмертным классиком, но каждый мнит себя гением.

Влекомый родственницами юноша выглядел классическим поэтом, включая разорванную на груди рубаху. Мать и обе кузины бережно ввели его под руки и поставили в центре лавки прямо напротив колдуна.

Терентий знал по опыту, что разговаривать с поэтами о вещах прозаических зачастую бывает бесполезно, поэтому обратился сразу к матери: «Что с ним случилось?»

«Сердце,» – всхлипнула та. – «Его сердце разбито. Эта недостойная поганка, как она посмела ... Ах!»

«Вдребезги или просто сердечная рана?» – деловито поинтересовался колдун.

«Вдребезги,» – уверенно заявила дама.

«Будем склеивать,» – мрачно пообещал Терентий.

«Но дело это долгое и сложное,» – тут же предупредил он.

«Да. Да, конечно,» – с готовностью согласилась обеспокоенная мамаша.

«И стоять будет соответственно,» – плавно подводил клиентку к нужной мысли колдун. – «Двадцать монет.»

Клиентка замерла. Материнская любовь боролась в ней со здравым смыслом, который настоятельно советовал поис-

кать другого колдуна и скостить цену до 15 монет. От напряженных размышлений на ее виске выступила капелька пота. Следом еще одна. Когда появилась третья, Терентий приуныл. Шансы на то, что мать гения согласится воспользоваться его услугами, таяли на глазах. Она, в отличии от сына, все-таки была здравомыслящей женщиной. Дело решили кузины. Понимая, что пауза затягивается, они хором воскликнули: «Согласны!» Поэт отстраненно пялился в стену.

Мысленно потирая руки в предвкушении гонорара из образа Терентий, тем не менее, не выходил. Сурово сдвинув брови и приказав кузинам «держите его», он быстро подскочил к поэту и кольнул иглой в районе сердца. Гений оскорбленно взвыл. Не обращая на него внимания, Терентий промокнул выступившие капельки крови сомнительной чистоты тряпицей и пояснил ошеломленной публике: «Сердечная кровь. Нужна для лечения сердечных ран.»

«Для зелья потребуется еще прядь волос,» – сообщил он.

Не дожидаясь внезапной атаки колдуна, поэт сам торопливо вырвал несколько волосков из своей шевелюры и подал ему. Потом снова принял гордый и независимый вид.

Компания внесла задаток и отбыла восвояси, чтобы явиться в назначенное время за зельем. Удовлетворенный Терентий бросил в очаг ненужную окровавленную тряпицу, безгласно смахнул туда же прядь волос, зевнул и отправился в трактир. Произвести впечатление на клиента, чтобы набить себе цену – первое, чему его научил когда-то мастер-кол-

дун. Кровь и волосы на самом деле нужны были лишь для очень сложных персональных заклинаний и зелий. А разбитое сердце – явление массовое, хоть раз в жизни случается с каждым. Мудрить тут нечего. Получит завтра поэт свою дозу универсального сердечного клея и успокоится, будет и дальше слагать вирши как ни в чем не бывало.

Домой Терентий вернулся изрядно захмелев. С колдовским ремеслом всегда так, никакой стабильности. Сегодня густо, завтра пусто. Двадцати монет ему надолго хватит, если не шиковать. А то уж он от отчаяния уже подумывал податься в колдуны на окладе у города. А это совсем последнее дело. Все равно, что публично признаться в собственной некомпетентности.

Терентий вытянулся на ложе. Домишко его, по-холостяцки захламленный, одной стороной выходил на торговую площадь, где и был вход в лавку, а другой на узенькую, заваленную отбросами улочку, по которой после наступления сумерек безбоязненно могли передвигаться только крысы, кошки и колдуны. Терентий удирал через эту дверь, когда с парадного входа ломались потерявшие всякий страх перед колдуном заимодавцы. Сейчас в дверь лавки стучали требовательно и настойчиво, что ничего хорошего не предвещало. Так стучат уставшие ждать кредиторы.

Терентий на цыпочках прокрался в лавку и, смахнув сушеных мух со стекла, выглянул в мутное окошко. Так и есть. В дверь колотил суровый дедок. Такие здравомыслящие, с

хитрецой мужики по колдунам обычно не шастают, не их это целевая аудитория. Значит – заимодавец. Рисковать Терентий не стал. Так же на цыпочках, стараясь, чтобы ни одна половица не скрипнула, добрался до задней двери, отворил и остолбенел. За дверью стояли трое: парень с рыжей копной волос на голове, девица, да шустрый франт, немедля сунувший ногу в дверной проем, чтобы не захлопнули перед носом.

«Мы войдем,» – заявил парень, плечом отодвигая Терентия в сторону и протискиваясь в дверь. – «Разговор есть.»

«Вы что себе позволяете?» – возмутился было колдун. Но плечо у парня было крепкое.

«Вы не ершитесь, господин колдун,» – примирительно сказал франт. – «Лучше дверку деду Богдану отворите. Дело у нас к Вам.»

«Ну, чего надо?» – недружелюбно осведомился Терентий, когда вся компания была в сборе.

«А вот чего,» – эффектным жестом вынул из мешка позеленевший медный шар гость.

Терентий схватился за голову и застонал. Это было оно – обещание исполнить любое желание, давно и безвозвратно, как надеялся колдун, сгинувшее невесть где. Такие обещания дают только полные дураки. Точнее, очень пьяные дураки.

Глава 12.

«Ну и чего Вам от меня надо?» – вновь устало спросил колдун, опустившись на стул. – «Любовное зелье? Небо в алмазах? Луну с неба? Не стесняйтесь. Не будем откладывать в долгий ящик.»

«Ты вот что, колдун, не ерничай,» – миролюбиво сказал дед Богдан. – «За язык тебя никто не тянул. Слово дал, вон увесистое какое, выполняй.» Медный шар тускло отсвечивал болотной зеленью у него в руке. Проследив за взглядом колдуна, дед пораскинул мозгами и спрятал его обратно в мешок. Колдуна он, откровенно говоря, побаивался, потому как раньше дел с ними не имел.

«Луна с неба нам не требуется. И небо в алмазах себе оставь. Все намного проще. Мы тут кое-что обронули, думали, что насовсем (при этих словах колдун понимающе ухмыльнулся), требуется это раздобыть и уничтожить. Да так, чтобы наверняка.» Тут колдун усмехнулся уже одобрительно. Он бы тоже хотел кое-что навсегда уничтожить.

Груша тем временем оглядывала жилище колдуна. Она никогда не бывала в подобных местах и представляла их несколько более загадочными и таинственными, с вереницей склянок с зельями на полках и бурлящим над очагом котлом, содержимое которого помешивает мудрый волшебник с лучающимися добротой глазами.

Лавка же Терентия изобиловала разве что засохшими мухами, коих было так много, что разжиревшие и обленившиеся пауки не справлялись с их поеданием, паутиной и треснувшими горшками. Здесь было пыльно, темно из-за засиженным мухами оконных стекол, пахло несвежим бельем, сыростью и гнилью. Пыль сбивалась в комки, образуя целые холмы и жила собственной жизнью, постепенно поглощая замызганные половички, комнатные туфли и забытый в углу веник. Одним словом, ничего таинственного и завораживающего.

Сам колдун тоже мало походил на нарисованный ее воображением образ. При взгляде на Терентия в голову почему-то приходили мысли о несварении желудка и почечных коликах. Никакой величественности, невольно внушающей уважение и трепет.

«Тятенька мой слово дал,» – путанно начала объяснять Груша. – «Еще до моего рождения. Чтоб семейство его ни в чем не нуждалось и как сыр в масле каталось. Он обещал все выдюжить, все невзгоды на своих плечах вынести. Вот маменька и бабушка и сели к нему на шею. И ножки свесили.»

«И ты тоже?» – ядовито спросил колдун.

«Потом и я,» – потупилась Груша. – «Но я это слово кабальное выкрала и убежала. Чтобы только тятеньку освободить. Мы бросили его в Тихий омут. Думали, оно навсегда сгнуло. А оно, клятое, на торге вдруг объявилось. В одном из коробов вранья оказалось.»

До Терентия внезапно дошло: «Так Вы мое слово тоже в коробе вранья нашли?»

«Так и есть. А вот то, которое нам надобно, не нашли. Оно в другом коробе, видать. Помогите нам его раздобыть.»

«Так и быть,» – после паузы пафосно заявил колдун. – «Дам Вам амулет на удачу. В течении трех дней Вам будет сопутствовать успех в любом начинании. Найдете свое потерянное слово в два счета.»

«Ты, колдун, не юли. Меня на мякине не проведешь,» – твердо заявил дед Богдан. – «Твое слово будет исполнено, когда наше окажется у нас в руках.»

«И как?» – вспылил Терентий. – «Я Вам не собака-ищейка. Мало ли кто его купил.»

«Мы знаем,» – хором воскликнули незваные гости. – «Мы за покупателями проследили. Ну, насколько смогли.»

«И что это означает?» – нахмурился Терентий.

«Один из них – юнец вошел в резиденцию Льва 16. А туда любопытных не больно то и пускают. Зато второй, и тут нам просто повезло, зашел в лавку прямо напротив твоей. Мы разузнали, что он ее хозяин – лекарь Дорофей. Очень уважаемый человек.»

Терентий, против ожидания, этому вовсе не обрадовался, а скуксился, будто откусил лимон. Он поднялся со стула и стал расхаживать по лавке туда-сюда. Страшно неохота, но придется, видимо, помогать этим простофилям. Для колдуна плохая репутация смерти подобна. А если он откажется,

то что мешает этой компании продать данное им слово, и тогда неизвестно, что от него потребует новый владелец.

«Ну, допустим, раздобыть его я Вам помогу, а изничтожить – увольте. Невозможно сие. Слово даденное только его владелец изничтожить и может, когда в руках держать будет. Иначе, как Вы думаете, почему все помойки нарушенными обещаниями завалены?»»

Глава 13.

Общеизвестно, что представления о чистоте у мужчин и женщин кардинально различаются. То, что для мужчины – уютная холостяцкая берлога, для женщины – авгиевы конюшни. Даже в таком банальном деле как мытье посуды они руководствуются совершенно разными принципами. Женщина поела и сразу вымыла за собой тарелку. Мужчина сначала находит наименее грязную тарелку, отмывает ее, а уж потом из нее ест.

С постоянного двора путешественникам пришлось съехать. Денег платить за постой не оставалось совсем. Терентий был не в восторге от незваных гостей, но молча скрежетал зубами.

Существовать в колдовском свинарнике Груша не могла, а потому решительно взялась за уборку. Перво-наперво выудила из пыльной кучи веник и повымела изо всех углов многолетнюю паутину. Привыкшие к вольнице пауки недовольно пятились и, затаив злобу, прятались по щелям. Мумифицированные тушки мух горохом сыпались на пол. Оттертые до сияющего блеска окна впустили в лавку солнечный свет. Потрескавшиеся горшки были безжалостно выброшены. Котел (как у всякого порядочного колдуна, у Терентия он все же оказался) начищен речным песком. И теперь, в кои то веки, варил пшеничную кашу с изюмом. Подгоняемые Грушей

мужчины были разосланы за водой, дровами, мышеловками, маслом для ламп и едким щелочным мылом для стирки.

Проблемы возникли с пылью. Грушу она пугала. Проведшая много лет в лавке колдуна и впитавшая в себя остатки многих неудачных колдовских зелий, выплеснутых прямо под ноги, она таилась от тряпок и веника по углам, забиваясь в каждую щель, словно живой организм. Стоило только девушке отвоевать один уголок пространства, как пыль вытягивала щупальца в другом, засасывая в себя все, что попадалось на пути: курительную трубку, ночной колпак, свечные огарки.

Глава 14.

Дорофей тоже был мастером пустить пыль в глаза недалекому клиенту. Вот у него в лавке все было как следует: полочки, заполненные пузатыми склянками толстого стекла с разнообразными мазями и притираниями, связки сухих трав свисали с потолка, бурлящий над очагом котелок. И пусть варился там всего лишь вишневый компот, до которого лекарь был большой охотник, пациентам знать об этом было необязательно. Да и дух в лавке от него стоял приятный. Здесь было чисто. Полы устлали плотные тканые половички веселенькой расцветки.

Сам Дорофей округлой фигурой и румяными щеками напоминал наливное яблочко.

Вдоль стены располагались разномастные деревянные табуреты, на которых посетителям предлагалось дожидаться своей очереди. На одном из них, с привязанной к ножке козой, уже восседала говорливая бабка. На первый взгляд совершенно здоровая, учитывая тяжесть плетеной корзины, которую она при появлении других клиентов опустила на пол. Однако бабка так не считала.

«Ох, милочк,» – оккупировала она внимание лекаря. – «Совсем я плохая стала: поясницу ломит, в глазах середь бела дня темнеет, голова от натуги кружится. Вот и решила я, надобно в город к лекарю сходить, посоветоваться. Встала

пораньше и пошла.»

Дорофей вежливо прервал обстоятельный рассказ: «Издалека пришли, бабушка?»

«Какая я тебе бабушка?» – оскорбилась посетительница. – «Я третьего мужа схоронила. На выданье теперь. Девица, считай.»

Дед Богдан хмыкнул, переглянувшись с лекарем.

«И когда у Вас ... э, уважаемая, поясницу ломит?» – поинтересовался Дорофей.

«Да как окучу десятину картошки, так и ломит,» – охотно пояснила молодящаяся «девица». – «А в глазах темнеет, когда телегу мешками нагрузишь.»

«Тут же, наверное, и голова кружится?» – предположил догадливый лекарь.

«Ага,» – довольно подтвердила старуха.

«Пахать на ней надо,» – шепотом пояснил дед внуку. – «Покрепче любой лошади будет бабка.»

«Тяжелый случай,» – нахмурился Дорофей. – «И поясница, и голова, и в глазах темнеет.»

Лекарь принялся с задумчивым видом расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Бабка благоговейно молчала, наблюдая за маячившим туда-сюда Дорофеем.

«Эх, была не была,» – решился наконец тот. – «Вижу, женщина Вы хорошая (бабка приосанилась), в самом расцвете лет (бабка кокетливо опустила ресницы, склонив голову на бок). Дам я вам средство верное, но очень редкое, а потому

дорогое.»

Лекарь покопался на полке и снял с нее маленький пузырек с бесцветной жидкостью. Бабка от любопытства вытянула шею. Редкое средство не впечатляло, но осторожность, с которой лекарь бережно держал его в руках, возбуждала любопытство.

«Это что ж такое будет?»

«Это крокодиловы слезы,» – торжественным шепотом произнес Дорофей. – «Наиценнейшее средство. Оздоровливает весь организм в целом, снимает усталость, скованность в членах и ломоту в мышцах, нормализует ток крови и других жидкостей в теле, выводит прочь лишнее и вредное.»

Бабка от обилия незнакомых слов вроде «организм» и «нормализует» проникалась все большим уважением к лекарю, понимая, что не напрасно пришла.

«И во сколько же оно мне встанет?» – поинтересовалась она.

«10 монет,» – ответил лекарь и, не слушая возражений, продолжил. – «Достаточно всего одной капли в день.»

Внимательно рассмотрев пузырек, бабка пришла к выводу, что он хоть и мал, но если всего по одной капле в день, то надолго хватит.

«Беру,» – решила она.

Дорофей тут же развил бурную деятельность. Клиента нужно было брать тепленьким, пока не передумал. В этом методы колдунов и лекарей были удивительно схожи. А ес-

ли клиент потом одумается, то это не беда. Лекарственные зелья, как известно, обмену и возврату не подлежат.

Уложив пузырек со снадобьем в деревянный ящик, он засыпал его свежими опилками, заколотил крышку маленькими гвоздиками и лишь после этого вручил покупку бабке.

Та бережно приняла ящичек и тут же упрятала его куда-то на дно своей необъятной корзинки, с легкостью подхватила ее и направилась к выходу.

«А деньги?» – изумленно завопил ей вслед лекарь.

«Ой, запамятовала,» – спохватилась бабка. Отвязала от ножки табуретки козу, вручила со словами «Манька моя дороже десяти монет будет» лекарю конец веревки и удалилась.

Оторопевший от такой наглости Дорофей взирал на мирно жующую тканый цветастый половичок козу. Дед и внук давились от хохота, всеми силами стараясь скрыть это от лекаря. Да чуть не подавились им насмерть, когда в лавку вошел следующий пациент. Это был черт.

Черти из своих Тихих омутов вылезали редко. Настолько редко, что Богдан впервые на своем веку видел его своими глазами. На берегу их не больно то и ждали, побаивались.

Черт был, как ему и полагается, черный, заросший жестким волосом, похожим на свиную щетину, из которого на голове торчали два маленьких рожка. Он был в грязных, воняющих тиной лохмотьях, одну из своих ног со свиным копытцем тащил волоком, опираясь на палку. Крепкое копыто было свернуто набок. Нога над ним опухла и багровела, точ-

но спелый помидор. Вместе с угрюмым чертом вошло злование, будто от дикого зверя, разом перебив дух вишневого компота.

Черт доковылял до табуретки, сел и вытянул больную ногу. Дед и внук невольно сдвинулись в сторону. Дорофей, которому черта видеть доводилось тоже впервые, от ужаса не мог сдвинуться с места. Коза на нового пациента не обратила ни малейшего внимания. Но стоило нечисти взглянуть на него из-под косматых бровей, как лекарь отмер и робкими шажками приблизился к пациенту. Не решаясь прикоснуться, он осмотрел чертову ногу со всех сторон и заключил заискивающе: «Сломана будет. На место поставить надобно и прочно зафиксировать.»

Черт молчал, но смотрел красноречиво. Дорофей засуетился. Приволок ворох чистых тряпиц, нарезанных полосами, разбавил водой и замесил наилучшей глины. Но к чертовой ноге прикоснуться никак не решался. Но стоило черту вновь насупить косматые брови, взялся за ногу и решительно потянул.

Черт пережил экзекуцию стоически, не издав ни единого звука. Зато у лекаря, а заодно и у Богдана с внуком, сердца ушли в пятки, да там и тряслись как зайцы.

Дорофей уселся на пол и принялся бинтовать ногу тряпицами, обмазывая каждый слой быстро застывающей глиной. Закончив, подтащил маленькую низкую жаровню и разжег огонь, дабы глина скорее схватилась. Не прошло и получа-

са, как глиняный сапожок затвердел. Черт, по-прежнему не проронивший ни слова, поднялся и опираясь на костыль поковылял к двери. Откуда-то из лохмотьев выпал золотой и глухо звякнул об пол. Только когда дверь за незванным гостем захлопнулась, по лавке пронесся вздох облегчения.

«Ишь ты, и черт, оказывается, может сломать ногу,» – задумчиво проговорил дед Богдан. – «Где это, интересно, он шастает. Вот так, наверное, Слово из Тихого омута на свет снова и вынырнуло.»

Спавший было румянец Дорофея начал возвращаться.

«Часто к Вам заглядывают такие необычные пациенты?» – завел светскую беседу дед.

«Упаси меня от такой напасти,» – открестился лекарь, пробуя на зуб подобранную монету. – «Такой пациент всех остальных распугает.»

«А часто ли черти в столицу захаживают?» – продолжал любопытствовать настырный дед.

«Бывает,» – важно ответил Дорофей.

«А по какой такой надобности?»

«Кто же их чертову надобность разберет,» – флегматично заметил лекарь. – «Говорят, клады черти лучше всех ищут, зарытые, утопленные – все одно, и по этому случаю Лев 16 их и привечает.»

Дед и внук переглянулись. Догадка оказалась верной.

«А лечить их как?» – сыпал вопросами дед. – «Неужто как людей? А коли вылечить не сумеете, то сильно ли они гнева-

ются? Небось и стражу звать приходится? Не жидковаты ли они против рогатых?»

А в это время Аристарх и Терентий уже взломали хлипкий замок на задней двери лекарской лавки и стараясь не шуметь шурудили по углам в поисках короба вранья.

Глава 15.

После неудачи с лекарем товарищи немного приуныли. Как было бы просто, если бы потерянное Слово нашлось в закромах Дорофея! Но закон подлости на то и закон подлости. Разумеется, Антипово Слово оказалось именно в последнем коробе вранья. А в том, что достался Дорофею преобладал всякий мусор: данное самой себе на куске желтовато-серого, крошащегося, словно песочное печенье, песчаника обещание некоей Сластены Патоковны сладостей более не есть или хотя бы уменьшить количество потребляемых пряников до килограмма в день (недолго ему осталось, скоро само в песок рассыплется); изъеденный древоточцами деревянный обрубок – слово, данное безвестным мореходом, что коли он вернется с последнего мокрого дела в целости, найти себе занятие на суше; несколько нарушенных клятв в вечной любви (часто встречающийся мусор, позабытый и позаброшенный) и прочее по мелочи.

Теперь следовало искать проход в резиденцию Льва 16, и дело это было почти безнадежное. Чужих в резиденции не было. Все обитатели: от многопудового главного повара, весьма правителем ценимого, до последнего конюшонка были связаны кровными и родственными узами и знали подноготную друг друга до седьмого колена. В общем – мышь не проскочит.

В отличие от многих других властителей, настойчиво вписывающих свои монументальные замки в центрах городов, предки нынешнего Льва пошли другим путем. Многонаселенный, никогда не спящий город Львов беспокоил. Помимо людей законопослушных (или хотя бы равнодушных) он был полон мошенниками, ворами, жуликами и проходимцами всех мастей. Так что только вынеся резиденцию за пределы города и огородив ее отдельной крепостной стеной, Львы могли почивать спокойно.

Столицу и резиденцию разделяло поле. Самое обычное, заросшее буйно цветущими по весне одуванчиками, сменяющимися позже васильками, колокольчиками и клевером. Воздух здесь был свежее, небо голубее, а облетающие столицу за семь верст птицы охотно селились в просторных садах резиденции.

Разнообразные строения теснились на задних дворах: птичники, коптильни, сыроварни, конюшни, амбары, пасеки и рыбные пруды. Лев 16 жил с размахом и без стеснения чем бы то ни было, в том числе городскими стенами.

Летняя кухня, стоявшая в некотором отдалении от прочих строений как потенциальный источник повышенной пожарной опасности, гасила нестерпимым жаром любой залетевший сквознячок. Сегодня в кухне варили варенье. Медные тазы, исходившие сливовым духом, теснились на широкобоккой плите. Взмокшие повара, поминутно понукаемые старшим, споро выковыривали косточки из слив, сваленных

во все доступные емкости. Главный повар, алая щеками, аккуратно дул на зачерпнутое ложкой варенье, снимая пробу. Пот стекал по его мощному загривку формируя целый ручеек между лопаток.

В такие дни Стась свою жизнь особенно не любил. Забыл уже как радовался, когда дядька – седьмая вода на киселе, пристроил его сюда. Шутка ли – правительева кухня? Думал, уж тут то как сыр в масле кататься будет. Вышло иначе. Поварятам, коих тут была целая дюжина, поручали лишь чистить овощи, потрошить и ощипывать битую птицу, да мыть ягоды для варенья, вот как сейчас. Сыт, конечно, всегда будешь. Это каким же дураком надо быть, чтобы при кухне голодным остаться? Но честолюбие Стася требовало выхода и настойчиво толкало его в спину в поисках способа выделиться.

И способ нашелся. Одному Богу известно, сколько яиц извел Стась, упражняясь. Но в конце концов научился он взбивать их с такой скоростью, что глазом невозможно было уследить за движением венчика в его руке. Рука у Стася при этом деревенела, а отмирая, колола тысячью иголок. Зато результат превосходил все ожидания. Яичная пена, сбитая из одних лишь белков с сахаром, стояла воздушной стеной. Приготовляли из нее безе, до которого Лев 16 был большой охотник. Честолюбие Стася ликовало. Редкое умение возвысило Стася над остальными бесталанными поварятами. Но от унылого выковыривания сливовых косточек, увы, не освободило. И пока руки делали дело, глаза не переставая смот-

реть, а уши слушать. Поэтому появившихся Слухов Стась не пропустил.

Слухи, одетые в ярко-красные одежды, дабы быть заметнее в любой толпе, ходили обычно парами. Славилась они зычностью голосов. Неспешно шествуя по столице, Слухи останавливались на площадях, собирая толпы заинтересованных горожан, и доносили до них то, что имели сказать. Сегодня они намеревались распустить по городу слух о том, что очередной Битый час назначен правителем через три дня.

Стась вмиг повеселел. Битый час – время наказания, а то и казней Львом 16 пойманных преступников и душегубов, развлечением был знатным. Случался он нечасто, по мере наполнения узилища провинившимися, но не реже раза в месяц. Стась ни одного не пропускал. Разговоров потом на кухне было на неделю.

Глава 16.

Лев 16 во второй шанс не верил. Если человек хоть раз оступился, то верить ему нельзя. Ни в коем случае. И наказывать нужно непременно прилюдно, с размахом, масштабно. Хотя кровожадным правитель вовсе не был. Как и многие его предприимчивые предки, Лев 16 купался в золоте. Сия процедура всегда была залогом здорового румянца и благодушного настроения. Да и как, скажите на милость, не стать добряком хотя бы на время, восседая в белоснежной фарфоровой ванне, доверху наполненной золотистыми пузырьками. Ванны улучшали цвет лица сиятельного владыки и обходились совсем недорого. Из трех золотых монет колдуны на окладе способны были сотворить целую гору намягчайшей золотой пены, пузырьки которой лопались с приятным уху, мелодичным звоном упавшей золотой монетки.

Большое стечение народа в Битый час обеспечивалось не только первоклассным зрелищем (а что может быть интереснее, чем страдания ближнего?), но и бесплатным угощением. Лопнувшие от невыносимого жара и раздувшиеся до невозможных размеров кукурузные зерна – способ продать ведро кукурузы по цене мешка, в Битый час раздавались бесплатно и были щедро сдобрены сладким сиропом. Горожане подставляли приготовленные загодя кульки и миски.

Нетерпеливая, взбудораженная толпа запрудила поле с

раннего утра. Предвкушая зрелище, зрители располагались прямо на травке, мусоря вокруг шелухой от семечек, оживленно болтая и сплетничая. Мыши прозорливо зарывались поглубже в норы. Те, что не успели, были безжалостно растоптаны сотнями ног.

Действо, меж тем, было почти готово начаться. Помост собрали загодя, с вечера. Мягкое кресло для Льва 16, заваленное подушками, установили. Битый час никогда скорым не бывает, не мудрено и зад отсидеть. Последней внесли и установили в центре помоста скамью подсудимых. Скамья была старой, работы знатной – топорной, сделанной давным-давно безвестным мастером из мореного дуба. Каждая завитушка декора резной спинки была вырезана искусно, на совесть. Льву скамья досталась по наследству от предков. Чьи только зады не полировали ее за прошедшие десятилетия: двоеженцы, фальшивомонетчики, рукоблудники, сластолюбцы, промышлявшие кражей сладостей для насыщения собственной утробы, посусейники и поамбарники, выносившие последнее из сусеков и амбаров соответственно, лизоблюды, что чужие тарелки по трактирам облизывают наперед хозяина, конокрады и послушники, то есть те, у кого своего ума нет, вот и живут чужими советами, часто дурными, и прочего люда тьма-тьмуца. Цвет нации, сливки общества.

Наконец появился правитель, обвел все вокруг довольным взглядом, угнездился в кресле и махнул рукой, введите, мол, первого обвиняемого.

Наши путешественники к тому моменту, следуя плану, рассредоточились по запруженному народом полю и, пробираясь сквозь толпу, пристально вглядывались в лица людей. Задача была не из легких – отыскать в толпе сгинувшего за стеной резиденции правителя с заветным коробом вранья поваренка. Нашедший должен был поднять вверх палку с загодя привязанной красной тряпичей и махать, куда остальные не соберутся.

Судилице в Битый час напоминало театральное представление, местами трагедию, а местами комедию.

Наделенный немалым актерским дарованием городской обвинитель дождался, пока на скамью подсудимых усадят первого обвиняемого – тощего, опасливо озирающегося юнца, набрал воздуха в легкие и провозгласил: «Горожанин по прозвищу Карп Отмороженный обвиняется в наезде на золотых дел мастера Исаака Голда, в результате которого пострадавший получил переломы трех ребер и уронил лицо в грязь.»

Пострадавший, имевший вид скорбный и болезненный, присутствовал здесь же в первом ряду, удовлетворенно сложив руки на животе.

«Что имеете сказать по существу обвинения?» – обратился обвинитель к юнцу.

Обвиняемый, еще недавно задиристый, точно петух, оказавшись на скамье подсудимых неожиданно сник и красноречие потерял напрочь.

Выждав минуту-другую и не получив ответа, обвинитель удовлетворенно кивнул и громогласно обратился в толпу: «Пострадавший Исаак Голд, прошу подняться на помост и прояснить суть дела.»

Золотых дел мастер засуетился, с помощью многочисленных родственников поднялся по ступеням и стал обличать задиру: «Иду я, значит, из бани. Никого не трогаю. Как вдруг на перекрестке на меня налетает коляска. Новая, лаковая, с блестящими спицами. Толкнула в бок, опрокинула, по грязи проволокла. Новый кусок земляничного мыла я от испуга выронил, а лошадь его растоптала. А этот субъект в рубахе нараспашку и не притормозил даже, знай только, лошадь плеткой охаживал ...»

Льву 16 речь не так уж и сильно пострадавшего золотых дел мастера наскучила, и он хлопнул в ладоши. День, конечно, длинный, но не резиновый. Нечего тратить время на разглагольствования самодовольного ремесленника. Все и так ясно. Глупые юнцы при средствах, творящие глупости всегда были, есть и будут. И наказывать кого-нибудь из них для острастки прочих периодически непременно надобно. Сколько их уже перебывало на скамье подсудимых и не считать.

Обвинитель чутко уловил смену настроения правителя.

«Карп Отмороженный, волею правителя Льва 16 за наезд на прохожего приговаривается к вставлению палок в колеса его коляски. Самому ему отныне дозволяется передвигаться

по столице только пешком.»

Народ вокруг помоста довольно захохотал. Покрасневшего от стыда Карпа вытолкали со скамьи подсудимых взащей и усадили нового обвиняемого.

«А ущерб?» – неожиданно обиженно возопил Исаак Голд.

Толпа снова взорвалась хохотом.

Городской обвинитель не растерялся: «В возмещение убытков обвиняемый Карп Отмороженный должен предоставить в полную и безвозмездную собственность пострадавшего золотую цепь со своей шеи длиной до пупа.»

Ровно в этот момент Иван и обнаружил искомого поваренка, стоящего ногами на тиснутой с кухни табуретке (для лучшего обзора) и ржущего во все горло над перипетиями судьбы обеспеченного хлыща.

Следующий сиделец на скамье подсудимых в отличии от предыдущего нисколько не тушевался и вину свою признавать отказывался. Хотя вина была весомой – пудовой чугунной чушкой. На помост ее выволокли два дюжих стражника, за которыми гордо задрав нос следовала девица с капризно выпяченной нижней губой. Лев оживился. В сложившейся мизансцене чувствовалась драма сердечная. А это всегда интереснее, чем банальный преступный злой умысел.

«В чем обвиняете сего мужа?» – участливо поинтересовался он у девы.

«Жениться обещал,» – всхлипнула та.

«А-а-а,» – понимающе протянул правитель. Его ожидания

оправдывались.

«Слово давал? И не сдержал, обманул?» – сочувственно спросил он. Толпа, затаив дыхание, ловила каждое слово, поминутно ожидая какого-то подвоха, забавной нелепицы, смешной несуразности.

Дева только всхлипнула в ответ, кивнув утвердительно.

«Что скажешь в оправдание, шельмец?» – обратился Лев к подсудимому, сурово сдвинув брови. В глазах его плясали лукавые искорки.

«Разлюбил,» – непосредственно отозвался непутевый возлюбленный и развел руками. – «Сердцу ведь не прикажешь.»

«Сердцу может и нет, а тебе приказать можно,» – неожиданно зло заявила девица. – «Голову на отсечение давал, что женишься? Давал. Вот и подтверждение.» Она пнула ногой чугунную чушку. «Вот голову и хочу. Она моя по праву. Отсекайте.»

Толпа от такой кровожадности юной девы просто ахнула. Лев хохотнул в усы, но брови сдвинул еще суровее. Зрители, затаив дыхание, ждали его вердикта.

«Голову, значит, на отсечение давал?» – задумчиво произнес он.

Непутевый возлюбленный побледнел и судорожно сглотнул. Шутки, похоже, кончились. Непреклонная дева видела неумолимый. Мгновение спустя лицо подсудимого озарила радостью пришедшая в голову спасительная мысль.

«Требую козла отпущения!» – заорал он во все горло.

Лев крякнул.

Надо заметить, козлы отпущения долго не жили. Наказания то разные претерпевать приходилось. Хорошо если просто порку, а то слово неприличное на козлином лбу вытатуируют взамен лба сквернословия или чуб выдерут ради науки отеческой. До козлоубийства доходило редко. Но сегодня был именно такой случай.

Старый седой козел с трясущейся бородой и сломанным рогом был невозмутим до самого конца. И пока его привязывали посреди помоста, и пока стражник точил топор, и пока прилаживался как половчее ударить. Скотину было жалко. Всем без исключения. Но закон есть закон. Слово дал – держи.

Недовольной исходом дела деве и возразить было нечего, когда ей вручили сочащуюся кровью козлиную голову и под улюлюканье толпы проводили с помоста. Симпатии зрителей явно были на стороне находчивого подсудимого.

Когда тушу бедолаги-козла отпущения уволокли, а помост окатили водой из ведер, чтобы смыть кровь и не премножать число вьющихся в воздухе мух, на скамье подсудимых оказалась целая компания. Кустистые брови дугой у всех троих свидетельствовали о кровном родстве между ними.

Городской обвинитель прокашлялся и объявил: «Семейство Соловейчиков после кончины батюшки не досчиталось в хозяйстве его перстня самоцветного, что до самой кончины

покойный носил на безымянном пальце не снимая. Теперича, так как во время кончины в доме присутствовали только они трое, обвиняют друг друга в воровстве.»

Лев оживился. Загадки он любил. Толпа заволновалась, пытаясь загодя определить виноватого.

«Люди добрые!» – неожиданно вскочил со скамьи один из братьев Соловейчиков, помоложе и потщедушнее брата. – «Да что же это такое делается? Я после смерти батюшки, можно сказать, только жить собирался начать: купить ботинки лаковые и шляпу с пером. Отец-то мотовства не одобрял. А тут бац, и все. Мечты разбиты вдребезги.» Непосредственность транжиры завоевала ему массу симпатий зрителей.

«Сядь, горе ты луковое! Не позорься!» – одернул его второй из братьев Соловейчиков, старше, серьезней, озабоченней. Но, видя, что брат не унимается, тоже выступил с речью: «Я может тоже новую жизнь начать хотел. Купить свиную заморскую, вислоухую, шибко плодовитую, и поросят развести.»

Толпа загоготала, веселясь от души. Сестра Соловейчик молчала. Лев 16 прервал представление одним щелчком пальцев: «Я предоставляю последний шанс виновному сознаться в воровстве.»

Соловейчики угрюмо молчали. Зрители, затаив дыхание, ждали.

«Несите,» – повелительно махнул рукой правитель через минуту.

«Шапку, шапку велел принести,» – пронесся по толпе шепоток.

Шапка была неказиста на вид. Что и не мудрено при таком-то предназначении. Использовали ее нечасто. Только если не было другого способа выяснить истину. Некогда солидная, меховая, с отложными ушами и кожаными завязками, ныне она темнела подпалинами тут и там, а кое-где была прожжена насквозь. Ведь на воре шапка горела.

Первым, кто удостоился чести ее примерить, оказался Соловейчик старший. Пригнувшись и втянув голову в плечи, будто на голове у него была невероятная тяжесть, он, казалось, даже дышать перестал. В толпе стало так тихо, что удивленные мухи могли услышать сами себя. Прошла минута, другая, третья. Если и был нечист на руку старший из братьев Соловейчиков, то перстня он не брал.

Соловейчик младший даже сидя на скамье подсудимых в шапке гонора не потерял. Он ершился и покрикивал так, будто его поджаривали на сковороде. Но и он оказался чист. Когда шапка оказалась на голове у их сестры, то сначала щеки, а потом и молочно-белая шея женщины стремительно стали наливаться краснотой. Когда заалели уже и кончики ушей, шапка вдруг вспыхнула. Зрители восторженно ахнули. Стоявший наготове служитель немедля плеснул на голову виноватой воды из ведра.

Промокшая как курица, в облепившей телеса мокрой кофточке, но негибаемая женщина поднялась со скамьи:

«Ну и взяла! Ну и что? Они,» – указала она на братьев, – «На всякую ерунду потратят, а мне замуж давно пора. А ни батюшка, ни братья и не чешутся. Удобно им, видите ли, что в доме женщина есть. И приберет, и сготовит, и постирает. Жениться не надо, прислугу нанимать не надо. Хорошо устроились. Сплошная экономия. А как же я? Обо мне кто-нибудь подумал? Я им в няньки не нанималась. Я сама жить хочу.»

К концу речи мадемуазель Соловейчик так распалилась, что кофточка начала дымиться, просыхая.

«Правильно,» – неожиданно поддержал ее женский голос из толпы.

«Дело говорит,» – закричал другой.

«Требую тишины,» – громогласно заявил городской обвинитель. «Винный в краже обнаружен. Поскольку убыток причинен не государству, а частным лицам, то наказанием будет штраф в пользу казны в размере 10 монет. С каждого. Остальное – дело семейное, вмешательства правосудия не требующее.»

К тому моменту, когда возмущенное грабительскими расценками на правосудие семейство Соловейчиков удалялось с помоста, наши злоумышленники уже собрались за спиной поваренка размышляя, как лучше привести в действие следующую часть плана.

Битый час продолжался уже никак не менее четырех часов, и Стась подустал. Солнце немилосердно палило макуш-

ку, бутылка с водой опустела, внимание начало рассеиваться. О вот, вертя головой по сторонам, Стась неожиданно обнаружил рядом с собой девушку: пригожую, румяную, а главное, с интересом на него поглядывающую. Стрельнув глазами в очередной раз и очаровательно улыбнувшись, чаровница скромно потупляла взор, как и полагается приличной деве.

Стась приосанился. И как он умудрился раньше ее не заметить?

В девушках Стась разбирался слабо. Ему нравились те, которым нравился он. Таких было немного. Точнее, ни одной. И когда незнакомка бросала на юношу взгляд, с тем начинало твориться что-то странное. Руки, разом ставшие неловкими, то теребили пуговицы на куртке, то лихорадочно шарили по карманам, не в силах найти себе правильного места. Взгляд тоже метался туда-сюда, будто стайка испуганных тараканов. Стась то бледнел, то краснел. Прыщи на щеках вдруг зачесались все разом, а из носа предательски потекло.

На помосте, между тем, появился следующий обвиняемый – дедок в длинном одеянии, с трясущимися руками и длинной белой бородой. Ввиду буйности нрава руки его стягивали кожаные путы. А вот язык был свободен и болтал без умолку.

«Глупцы! Праздные, никчемные тупицы! Вы похожи на прожорливых жаб. Хватаете мух и стрекоз своими длинными языками, пока брюхо не лопнет от жадности. Каждый из

Вас старается завладеть как можно большим: больше скота, больше земли, больше денег, самоцветов, драгоценных одежд и прочей ерунды. Вы тратите на это свои жизни и не задумываетесь ни на минуту: зачем? Зачем Вам все это нужно? Хапаете, гребете под себя ...»

Речи были до того крамольны, неожиданны и вовсе не понятны большинству, что народ невольно стал прислушиваться.

«Довольно!» – прервал вакханалию Лев. – «Кляп ему.»

Требуемое тут же было исполнено. Но старик не унимался даже с заткнутым ртом продолжая что-то гневно мычать. Настроение у правителя испортилось. Экстремистов Лев 16 не любил. Особенно таких, подрывающих экономические основы существования общества, подобно мелким зловредным насекомым, исподтишка грызущим мирно отдыхающего на диване индивида.

«В чем суть обвинения?»

«Обвиняемый философ Трезвон, очевидно вследствие душевного помешательства, бросал Слова на ветер. Забравшись на Часовую башню, он скидывал Слова на головы прохожим, вследствие чего были покалечены трое людей и убит один осел. Грозился, что будет скидывать с башни все несдержанные слова и невыполненные горожанами обещания.»

Представив масштаб предстоящих Трезвону трудов толпа многозначительно переглянулась. А кое-кто и присвистнул.

Словопад обещал быть круглогодичным.

Стась едва ли уловил хоть слово из сказанного стариком-философом. Он говорил с девушкой. Точнее, говорила она. А он, смущаясь и краснея, отвечал.

«Как жарко сегодня, правда?»

«Ага, то есть да, жарко, конечно.»

«Так пить хочется. А в моей бутылки вода кончилась.»

«Ага, то есть да, хочется. А вода кончилась и у меня тоже.»

Девушка немного помолчала и снова повторила: «Как пить хочется.»

И тут Стася осенило: «Я могу принести воды. Я сейчас принесу. Пойдем со мной. Постоишь у ворот резиденции, а я быстро сбегаю. Честно-честно. Я быстро.»

Груша облегченно выдохнула. Наконец-то догадался, тутодум. Она уж боялась, что не понравилась ему. Намекала и так, и эдак. Весь план чуть не пошел насмарку.

Когда философа Трезвона вводили с помоста, Стась и Груша уже почти выбрались из толпы. Но до резиденции правителя так и не добрались.

Глава 17.

Поваренок вошел в ворота и растерянно остановился. Размеры резиденции правителя впечатляли. Ну и куда теперь идти?

«Куда лезешь со свиным рылом в калашный ряд? Перебрал что-ли? Через калитку иди, кухня. Через калитку в сад,» – рявкнул на него один из стражников.

«Да ладно, пусть пробежит потихоньку, а то нагоняй получит по службе,» – остудил его пыл второй. – «У них там в летней кухне сейчас самая запарка.»

Пользуясь благосклонностью старшего стражника Стась быстро пересек двор и юркнул куда-то под боковую лестницу.

«Стась, ты где был? Уж искать тебя хотели,» – стукнул его кулаком по спине крепкий малый в некогда белом фартуке.

«У девчонки задержался,» – ответил он.

«Ты? У девчонки? Не смейся,» – заржал крепыш.

«Ну и кто она такая? Как зовут? Ты ее провожал? Где живет?» – налетел и с наскока завалил вопросами третий юноша в фартуке – жизнерадостный толстяк с красными, лоснящимися от жара кухни щеками. Если бы в шеф-повара отбирали по внешнему виду, то у этого поваренка шансы были бы высоки.

«Неважно,» – равнодушно ответил Стась. Кухню он на-

шел по запаху – просто учуял откуда тянет жареным мясом, ванилью и апельсинами и пошел туда. Немедленно получил подзатыльник от помощника главного повара и был приставлен поливать смесью апельсинового сока, меда и горчицы тушки жарящихся на вертеле уток.

Круглощекий пухляк не обиделся: «Что, заважничал сразу? Ну расскажи кто она?»

«Вечером расскажу,» – пообещал Стась, рассудив, что этот увалень может оказаться ему полезен. То, что ему удалось с ходу найти кухню – большая удача. Все время так везти не будет. На территории резиденции вполне можно было заблудиться. Этот недалекий, судя по всему, увалень станет его проводником.

Вечерняя суета на кухне продолжалась еще около часа после того как наверх были поданы десерты: апельсиновое желе и сладкие пирожки с ягодами, осторожно перемыты серебряные блюда и кубки со стола Льва 16 и глиняные миски от ужина прислуги, начищены неподъемные котлы и гневно шипящие от горячего масла сковороды, свалены в бадью объедки для свиней и до блеска отдраены каменные плиты пола. Уже с рассветом кутерьма начнется сначала.

Толстяк облегчил Стасю задачу тут же схватив его под локоть и потащив за собой. Это было кстати. Коморку, где ночуют повара, он по запаху не нашел бы.

Руки и ноги Стася слушались уже хорошо, недостаток роста был почти не заметен. А вот легкость в членах, отсут-

ствие боли в пояснице и скрипа в коленях колдуна радовали. Обладание юным телом прыщавого поваренка имело целый ряд преимуществ. Впору было оставить его себе. Жаль, что не получится.

Вложить свою душу в чужое тело можно было ненадолго. Лишь пока его истинный обладатель, одурманенный зельем, крепко спал. Душа Стася спала, уютно устроившись в левой пятке, а тело, к которому Терентий уже вполне приспособился, расхаживало по резиденции правителя в поисках короба вранья. Тело же самого колдуна лежало на постели в задней комнате его лавки. Он был ни жив, ни мертв. Рядом сидела испуганная Груша, тоже ни жива, ни мертва, отгоняя вездесущих мух.

Подумать только, вложил душу! Такое не каждому колдуну под силу. Это было потруднее даже, чем сотворить из мухи слона, как великие колдуны в дедовские еще времена. Знали бы люди на что он способен! От клиентов отбоя бы не было. Но еще лучше будет, если об этом никто никогда не узнает, включая хозяина этого прыщавого тела. Лев 16 такого не потерпит. И никакие магические способности Терентия не спасут. Он окажется в темнице, где из него вытянут все жилы и выпустят кровь капля за каплей. Колдун поежился.

Пухляш, тем временем, дотащил Стася до узкой лестницы, ведущей на второй этаж какого-то невзрачного строения, и быстро стал подниматься наверх, засыпая друга вопроса-

ми, будто горохом из рваного мешка.

«Груша. Ее зовут Груша,» – сказал Стась-Терентий.

Толстяк всплеснул руками: «Надо же как красиво! Вот у нас в деревне тоже одна Груша была, так у нее имелись вот такие яблочки. А у твоей как?» И дружески толкнул приятеля в бок.

Терентий, конечно, помнил, что в определенном возрасте главной темой разговоров юнцов являются девы, девушки, девчонки и девицы. Но ему то требовалось совсем другое. Перво-наперво, выяснить, как болтливого толстяка зовут. Они с ним, похоже, приятели. Хотя его перемазанные чем-то сладким пальцы оставляли следы на Стасином почти белом фартуке, колдун преодолел отвращение и взял краснощекого за руку: «Слушай, здоровяк, уморился я сегодня, сил нет. Давай завалимся на койки, а там поболтаем.»

«Ты перегрелся?» – деловито осведомился пухляш. – «Сейчас вечерняя поверка будет.» И потопал вверх по скрипучей лестнице. Терентий подался за ним, уткнувшись взглядом в болтающиеся при каждом шаге завязки фартука на круглом заду товарища. Как же его все-таки зовут?

Комната, куда привел Терентия краснощекий, была узкой и длинной, словно туннель. По обеим сторонам ее тянулись ряды нешироких двухъярусных коек. А под самым потолком зияли чередой узенькие оконца, впускавшие чуток солнечного света. Два десятка ребят: повара, посыльных, подавальщиков гомонили, как стая галок. Как и во всяком чисто

мужском коллективе, здесь пахло ядреным молодецким потом, грязными носками и пылью. Сразу же вслед за Терентием и его спутником в комнату ввалился низенький квадратный человечек и промокая вспотевшую лысину с порога заорал: «Поверка.»

Парни, не переставая гомонить, соскакивали с лежанок и выстраивались в ряд. Квадратный, хоть и был ростом ниже любого из парней, умудрялся нагнать страху на каждого. Лицо его было скроено криво, по никуда не годным лекалам: подбородок скошен, будто ударом топора, левая половина рта задрана в вечной усмешке, поседевшие брови сведены во вселенской печали Пьеро, левый глаз заметно косил в сторону. Заглянуть квадратному в глаза было решительно невозможно, и понять куда он смотрит – на тебя или на соседа – тоже. Насупив брови, он тщательно осматривал руки, пригибая пятерней непокорные головы, оглядывал загривки и придиричиво сверлил взглядом уши. Принюхиваясь, будто собака, он выталкивал из строя тех, чьи ноги воняли сильнее установленного уровня. Уровень был установлен четко: потеть поваряткам полагалось до седьмого пота, а потом головомойки было не избежать.

«Нагнись, Хряк. Ну чего топчешься, как не доеная корова, Петрушка? Шагай вперед! И ты, Верста. Где Вы так изважукаться успеваете, свиньи? Одной воды на вас сколько уходит, а мыла щелочного целая прорва,» – приговаривал он.

«Мыться, паршивцы,» – скомандовал он после осмотра,

подталкивая в спины недовольно ноющих парней. Терентий оказался в числе немногих счастливичков, которых головомойка миновала. Толстяку, которого, как выяснилось, звали Петрушей, не повезло. Мытье – напрасная трата времени, по мнению большинства молодых людей. Все равно завтра снова будешь грязным.

Когда конвоируемые квадратным грязнули удалились, в комнате осталось всего пятеро, включая колдуна. Один немедленно забрался на верхнюю полку, отвернулся к стене и захрапел, а трое уселись играть в кости, живо обсуждая подробности сегодняшнего Битого часа.

Терентий растерялся. Хорошо бы хоть знать, какая из коек принадлежит ему. Все они были одинаковыми: тощий тюфячок, серая казенная подушка и столь же унылое, ненужное пока по случаю летней жары одеяло. Единственным местом, где можно было держать личные вещи, было пространство под койками. Смекнув это, колдун опустил на колени и шустро разгреб хлам под первой из них в ряду: мешок с чистой одеждой, две пары сапог – одни чистые, другие – в ошметках крошащейся, засохшей грязи, еще мешок, поменьше, – гребень, аккуратно замотанная в тряпицу пастушья дудочка, баночка с мазью «От дурновония ног и свежести дыхания для.»

К тому моменту, когда Терентий зарылся под третью койку, в комнате стало непривычно тихо. Смех и грохот костяшек незаметно смолкли. Пинок в торчащий из-под кровати

зад объяснил колдуну происходящее: «Слышь, ты! Ты че там делаешь? Это не твое барахло.»

Знай Терентий расстановку сил в спальне, он бы не удивился. Подавальщики – ребята крепкие, сильные и выносливые, возможно не совсем безосновательно, чувствовали превосходство над поварятами, считая тех недотепами. Те, в свою очередь, отвечали им взаимностью, полагая подавальщиков безмозглыми мулами. И были недалеки от истины. Сейчас над Терентием, как нетрудно было догадаться, нависли подавальщики.

«Вылезай, Стась – карась, разговоры разговаривать будем. Чего ищешь?» – парни недобро усмехнулись.

«Да пуговку, пуговку потерял. Закатилась куда-то,» – сориентировался колдун, сидя на полу. – «Похоже, под соседнюю койку, не сюда.» И не обращая внимания на парней, на четвереньках пополз к следующей койке.

«За дураков нас держишь?» – возмутился самый здоровый из подавальщиков. Он славился тем, что одной рукой был в состоянии унести блюдо с жареным поросенком, обложенным запеченными репками и черносливом. Сейчас вместо поросенка был Терентий, поднятый за шиворот с пола. Неизвестно, чем кончилось бы дело, но тут в спальню стали возвращаться отмытые поварята. Баланс сил изменился. «Наших быют,» – быстро сориентировались они. В соответствии с профессиональной солидарностью обитатели комнаты привычно поделились на два лагеря. Поварят было боль-

ше, подавальщики были крепче. Посыльные, ввиду малого количества, держали нейтралитет. Противостояние было давним, бессмысленным и всем надоевшим. Поэтому через несколько минут разошлись миром.

Толстячок Петруша положил руку на плечо Терентию, увлек за собой к одной из двухъярусных коек и по-хозяйски плюхнулся на нижнюю.

Ну хоть с койками теперь стало ясно. Одна из них определенно принадлежит толстяку, вторая – ему. Одновременно стало понятно, что короба вранья тут нет, ведь пространство под этими койками колдун уже обыскал. Приятель же Петруша уже вновь теребил его потной пухлой ладошкой за локоть: «Ну расскажи, расскажи про Грушу.»

«Знаешь, тут много любопытных ушей. Давай найдем какое-нибудь укромное местечко и поболтаем. Есть здесь такое, где мы можем от всех спрятаться?»

«Так голубятня же,» – недоуменно пожал плечами Петруша. – «Ты же вечно там торчишь, каждую свободную минуту. А я не люблю, воняет там.»

«Кто бы говорил,» – подумал Терентий. Но предложение было стоящим. Голубятню обязательно нужно было проверить.

Там и правда воняло. Кормили голубей на убой. Собственно, для этого они и предназначались. И Стася птицы знали хорошо. Дружелюбно садились на протянутую руку, царапая ладонь коготками.

Голубятня представляла собой избушку на курьей ножке. Перекрестье из толстых брусьев надежно удерживало ее на земле. С одной стороны в голубятню вела деревянная лестница, а с другой располагался узкий проход, ведущий в птичью клетку, размером поболее самой избушки. Узкие насты вдоль стен не оставляли простора воображению. А вот кучи загаженного сена на полу были многообещающими. Так и оказалось. Порывшись в них как следует Терентий выудил искомый короб вранья.

«Это чего? Что ты тут прятал? Покажи. А другу рассказать слабо?» – обиженно засопел Петруша.

Прилипчивый приятель надоел колдуну до зубовного скрежета. Но роль следовало сыграть до конца. Уже скоро поваренок вновь окажется в своем теле и вернется назад, ничего не событиях прошедших суток. Не нужно усугублять ситуацию странным поведением (хотя по большому счету думать об этом уже поздно) и ссорой с лучшим другом. Обтирая загаженный короб от птичьего помета сеном Терентий пояснил: «Я, Петруша, короб вранья купил.»

«Ух ты! Нашел там чего-нибудь стоящее?» – мигом врубился в ситуацию приятель, позабыв об обиде.

«Друг, я возьму себе только одно несдержанное слово, а остальные твои. Дарю. Владей!» – продолжил Терентий. Открыв коробку, он вынул оттуда кусок черного гранита с серыми прожилками – Слово Антипа и ногой подвинул ящик приятелю. Позабыв обо всем на свете, Петруша увлеченно

зарылся в короб. Колдун же, спрятав гранитный камушек на груди, молча слинял.

Глава 18.

Стась очнулся на рассвете от того, что в щеку ему брызнула едко-пахучая струйка. Парень открыл глаза. Он лежал на узенькой улочке, привалившись к глухой стене какого-то строения, а полосатый кот, задрвав хвост, помечал его, как свою территорию. Судя по запаху вокруг, он был не первым.

«Брысь, пошел вон, зараза!» – шуганул наглеца Стась. Котья отпрыгнул в сторону, прижал уши к голове и зашипел. Выждав минуту, он не спеша удалился, унося чувство собственного достоинства в кончике дрожащего хвоста.

Стась поднялся на ноги. Где это он? Как тут очутился? В голове, словно рваное полотнище на ветру, мотались обрывки каких-то воспоминаний: рыжеватая коса, бутылка с водой, гневно мычащий белобородый старик. Но уцепиться за одно из них и остановить головокружение Стась никак не мог. А потому счел за благо присесть обратно на землю и сжал голову двумя руками. Он что, проспал всю ночь в этом вонючем закоулке? Почему голова так болит? И что это была за девушка?

Ответов ни на один вопрос не было.

«И что делать с ним будем?»

Спутники сгрудились вокруг стола, на который Терентий выложил свою добычу. Гранитный камушек выглядел до-

нельзя надежным и неубиваемым, как и положено гранитному обломку.

«А вот это уже не мое дело,» – заявил колдун. – «Я свое дело сделал. Извольте мое Слово вернуть.»

Дед Богдан вынул из мешка колдовской медный шар с прозеленью и с сожалением отдал Терентию. Что ни говори, несмотря на свой скверный характер, Терентий оказался весьма полезен. Но слово есть слово. Колдун мигом сунул вновь обретенную собственность за пазуху.

«Не боишься, что оно снова пропадет? Неужто не интересно, как от него насовсем избавиться?» – спросил он.

«У меня не пропадет,» – мрачно заявил Терентий. – «А о своем пусть у вас голова болит.»

«Так что с ним делать будем?» – вернулся к насущной проблеме Аристарх.

«Что делать, что делать? Совета просить,» – заключил дед. – «У специально обученного человека. Одна голова хорошо, а две лучше.»

Глава 19.

Вывеска была красноречива. Изображенный на ней человек с двумя головами, орлиные профили которых смотрели в разные стороны, выглядел жутковато. Оробел на минуту даже дед Богдан. Отстояв приличную очередь, хвост которой скорбно торчал из дверей добротного дома, расположенного на одной из центральных улиц, обсаженной чахлыми городскими каштанами, спутники попали внутрь.

«Доходное, видать, это дело – второй головой работать,» – уважительно высказался Аристарх. – «Знай себе советы давай, а денежки так и капают в кошель. Я бы пошел.»

«Кто же тебе деньги за совет платить будет?» – презрительно осадил его колдун. – «Глупости то у каждого и своей довольно. А тут мудрость требуется: и житейская, и высшего порядка, да хитрость, да смекалка, да сообразительность, да знание законов человеческих, порядков, нравов и обычаев.»

«Верно говоришь,» – поддакнул дед Богдан. – «Ко второй голове обратиться не стыдно, коли своего ума не хватает или сомнения какие. А к тебе кто ж за советом пойдет?»

Аристарх обиженно притих, став с преувеличенным любопытством разглядывать потолочные брусья толщиной в тело человека и стены, украшенные искусно вырезанными звериными мордами. Нуждающиеся в умном совете один за другим скрывались во внутренних покоях. Стояла тишина.

Советчик оказался не так страшен, как вывеска. Оплывший жирком орлиный профиль был один и напоминал скорее грустного филина.

«Излагайте дело,» – устало зевнул филин, взмахом руки прервав приветствия. Наслушался за день, чего время зря терять.

«Скажи, добрый человек,» – осторожно приступил к делу дед Богдан. – «Вот ежели дал ты когда-то слово, по молодости, да по глупости, конечно, а держать его более сил никаких уж нет, то как бы избавить себя от непосильной ноши, да не прослыть человеком бесчестным?»

«И рыбку съесть, и на х... сесть?» – невозмутимо уточнил Советчик.

Груша смущенно хихикнула.

«Ну вроде как да,» – вынужден был согласиться дед.

«Честь сохранять обязательно?» – уточнил Советчик.

«Да,» – решительно заявила девушка. – «Иначе он никак не может.»

«Это усложняет дело. Иначе могли бы просто похерить. Сколько их под ногами валяется, несдержанных обещаний. Одним больше, одним меньше,» – зевнул Советчик.

«Никак нельзя.»

«Так пусть назад возьмет и дело с концом,» – пожал плечами Советчик. – «Материальная компенсация недовольным позволит уладить дело без ущерба репутации. Как показывает мой опыт честь стоит недорого. Бесчестье обходится зна-

чительно дороже. Пусть давший слово разыщет его и прилюдно возьмет обратно.»

На этом аудиенция была окончена. Потеряв интерес к посетителям, Советчик махнул рукой в сторону двери.

Товарищи вновь сгрудились вокруг стола. Позеленевший шар колдовского Слова тускло отблескивал в свете свечи.

«Ну давай, чего медлишь?» – поторопил колдуна Аристарх.

«Чего давай?» – огрызнулся тот. – «Не на пожар бежим. Ну как неверно что сделаем. Маяться потом до конца жизни.»

«Да чего ж тут можно неверно сделать? Сказано: взять в руки и публично забрать слово обратно.»

Колдун сердито засопел, обтер руки о штаны и бережно взял в руки шар.

«Я, колдун Терентий Кособрюхов, беру назад свое Слово, данное двадцать лет назад э ... по ошибке, исполнить любое желание всякого, им владеющего.»

С минуту ничего не происходило, так что собравшиеся уже начали тревожно переглядываться. Потом с шара осыпалась на пол зеленая пыль. Терентий потер шар ладонью, и с него облетели уже целые хлопья. На глазах шар потерял последний блеск, посерел, потрескался и рассыпался в труху, неприглядной кучкой осыпавшейся на пол.

«Сработало!» – воскликнула Груша. – «Надо найти ба-

ТЮШКУ.»»

Глава 20.

Безвыходных положений не бывает. Но если вы не видите выхода из сложившейся ситуации, поздравляю, Вы в него все же попали!

Для тех горожан, кто не мог найти выхода из безвыходной финансовой ситуации, столица предоставляла много возможностей.

Банкроты могли прогореть, вылететь в трубу или оказаться у разбитого корыта.

Прогоревший неудачник должен был кинуть в костер, разводимый специально для этой цели на городской площади раз в месяц, оставшееся имущество (зачастую это бывала лишь дыра в кармане да вошь на аркане), показывая обществу, что гол, как сокол. После чего официально считался банкротом, с которого взятки гладки. Костровым же постоянно приходилось подкладывать в огонь казенные дрова, имущества должников не хватало. И это неудивительно. Люди, у которых еще осталось хоть какое-то имущество, предпочитали оказаться у разбитого корыта.

Деревянное корыто, емкое и вместительное, дабы неудачник мог поместиться туда со всем своим семейством, стояло у городских ворот. Всякий входящий в столицу мог своими глазами сразу увидеть банкротов, с которыми дел вести не стоило. Для самого неудачника приятного было, конечно,

мало – сидеть в допотопном корыте на виду у всего города в окружении потешающихся насмешников. Позор на его седую голову и все такое. Но все же это было лучше, чем третий из возможных вариантов заявить о своей финансовой несостоятельности.

Вылететь в трубу уже давно не рисковал никто. Хотя дело было мгновенное. Вылетел, писцы записали и все. Дело сделано. Не нужно торчать целый день в разбитом корыте или выворачивать карманы у костра на потеху празднующейся публике. Но ни у кого из должников не доставало отваги (или отчаяния) влезть в трубу – жерло огромной пушки и вылететь оттуда вместо чугунного ядра при выстреле. По дошедшим до современников сведениям попытки вылететь в трубу в прошлом часто приводили к печальным последствиям. Банкроты лишались не только честного имени, но зачастую и жизни. Одним словом, эта возможность спросом не пользовалась. В дуле ржавевшей без дела на городской стене пушки жила важная птица – филин.

Путешественники, поиздержавшиеся донельзя, хмуро разглядывали разбитое корыто. Массивное, стоявшее на возвышении и открытое всем ветрам, дождям и жаркому солнцу, оно потемнело и растрескалось от времени. Самая большая трещина пролегла в аккурат по центру днища, грозя развалить в скорости корыто надвое. Пока же в нее стекала дождевая вода. Сейчас в корыте томился маэстро-цирюльник Аким Гребенкин. Бизнес его по стрижке и бритью дол-

гое время катился ни шатко, ни валко, но в конце концов приказал долго жить по причине того, что стриг Аким всех под одну гребенку. И если кавалеры особо не возражали, то дамы ни в какую не желали ходить одинаково причесанными. Разнесли о мастере дурную славу и пустили его по миру своей капризностью.

Аким Гребенкин воспринимал неудачу стоически. Глядя в ручное зеркало на длинной ручке, он расчесывал свои изящные усики специально для того предназначенной щеточкой и критически оглядывал пробивающуюся щетину. Несмотря на банкротство, мастер был как всегда элегантен, щеголеват, его ботинки были начищены до зеркального блеска, а манишка белоснежной. Неудивительно, что Аким Гребенкин выбрал разбитое корыто, ведь в костер пришлось бы бросить и щеточку для усов, и ручное зеркало с костяной ручкой, и набор инструментов для стрижки и бритья. А с ними расставаться мастер не спешил, планируя продолжить карьеру в другом городе, провинциальном, с менее взыскательной публикой.

Вокруг разбитого корыта с улюлюканьем носились мальчишки, кумушки, проходя мимо, шушукались и показывали пальцем, мужчины же степенно приветствовали неудачника поклоном. Дело то житейское, с кем не бывает. От тюрьмы, да от сумы, как известно, не зарекаются.

Путники поежились. Оказаться в разбитом корыте не хотелось никому. Может быть все-таки найдется другой выход

из безвыходного положения?

Глава 21.

В каждом порядочном городе, а тем более в столице, все должно быть тщательно посчитано и учтено. В целях налогообложения, разумеется. Мосты, трактиры, фонарные столбы, афишные тумбы, ямы на дорогах и прочее. Вот решит, допустим, правитель ввести налог на празднично сидящих на заборах ворон. А писари враз подсовывают ему информацию: в таком-то месяце на заборах просиживало 2812 ворон, а в следующем только 911. Месяц выдался дождливым, хитрые вороны так и норовили спрятаться под крыши.

Вороны, наряду с воробьями и подневольными курами были в числе немногих птиц, живущих в столице. И если пересчет кур затруднений не вызывал, то ворон поди, сосчитай.

Считать ворон – занятие не для слабонервных. Ворона – птица умная и на редкость сообразительная. Нрав имеет гордый, но склочный, склонна к издевательствам. Поэтому считать их охотников находилось мало.

Этим неблагоприятным делом и пришлось заняться путешественникам, чтобы не протянуть ноги от голода и заработать монет на продолжение пути. Одни только расходы на дорожные языки чего стоили.

Черноклювые бестии измывались над счетчиками на все лады. Мало того, что похожи были вороны друг на друга, точно горошины из одного стручка. Так стоило только спут-

никам пересчитать птиц на одном дереве или крыше, как они со злорадным карканьем взмывали вверх, кружили над городскими крышами, перемешиваясь с другими стаями, и вновь рассаживались по ветвям и дымоходам, с интересом взирая на счетчиков. Те же хватались за голову. Попробуй отличи одну ворону – пересчитанную, от другой такой же, но неучтенной.

Решение проблемы придумала Груша. Спутники стали выходить на дело, снаряженные ведром с меловым раствором. Пересчитав стаю ворон на одной конкретной крыше, счетчики смачивали в ведре толстую кисть на длинной ручке и обрызгивали всех пересчитанных бестий раствором мела. Недовольные вороны, покрытые белесыми разводами, с гадким карканьем взлетали, но перепутаться с другими товарами уже не могли.

Счетчики работали не покладая рук. Нужно было успеть сделать работу в несколько дней. Ведь после дождичка в четверг все вороны снова станут черными.

Глава 22.

Дорога в Семипятничное шла почти сплошь по тракту. Пейзаж разнообразием не жаловал: репейники, крапива, свежесметанные стожки сена, лениво пасущиеся коровы и вертлявые, брехливые собаки. Тракт вилял из стороны в сторону, огибая холмы и озера, припорашивая вездесущей пылью из-под колес проезжающих телег и повозок обочины.

«Глядите-ка, что это там вдалеке?» – вдруг озабоченно спросил дед Богдан.

Навстречу им по тракту несло облако пыли. Вскоре стали слышны скрип колес и тяжелое сопенье, точно в пыли пряталось стадо разъяренных быков.

«Привал,» – скомандовал невидимый зычный голос. Туча пыли неохотно замедлила движение, притормозила и рассыпалась по обочинам возками. В каждом из них лежала на боку огромная деревянная бочка, а вместо лошадей были впряжены люди.

«Что же это такое творится?» – обомлел дед Богдан и обратился с вопросом к ближайшему мужику. – «Кто вы такие, позвольте полюбопытствовать? За что такое вам наказание?»

Мужик в ответ ожег компанию сердитым взглядом, будто плетью, и молча повернулся спиной.

«Да это ж сердитые,» – зашептал Аристарх. – «На них ис-

покон веку воду возят.»

«И долго ли?»

«Пока не пойдут.»

«А, ну этому грубияну еще долго ляжку тянуть,» – сделал вывод дед Богдан.

Ноги сами несли путешественников вперед по тракту, но ровно до того момента, пока не пришла пора пойти налево. Народная тропа, ведущая в село Семипятничное, поросла быльем. Трава, местами достигавшая пояса, сильно затрудняла продвижение. Чувствовалось, что здесь давно не ходят люди, не ездят груженые товаром телеги, не подпрыгивают на ухабах лаковые коляски. Значит, дела в Семипятничном совсем пришли в упадок. Заросшая тропа вилась по окраинам полей, утыканных свежей порослью сосенок, перепрыгивала по камням сонные ручьи, прорезала насквозь прозрачные березовые рощи и мрачные ельники.

Как спутники умудрились заблудиться в трех соснах, они и сами не поняли. Казалось бы, вот она тропа, еще минуту назад была видна. Как вдруг вокруг только темные стволы с отмершими нижними ветвями, а под ногами толстый слой побуревшей хвои и шишек, в котором ноги тонули по щиколотку.

Заблудиться в лесу – дело нехитрое. Каждый приличных размеров лес полон заблудших овец и блудных сыновей. И если заблудшие овцы и не подозревают о том, что потерялись, пока не попадутся на зуб волку, то блудные сыновья

всеми силами стремятся найтись. И всегда находятся. Обычно они просто бредут куда глаза глядят и держат ушки на макушке.

Поэтому путешественники, не падая духом, решили остановиться на ночлег и подождать, пока на них кто-нибудь не наткнется.

Ночной костер в сосновом бору, почти лишенном подлеска, был виден издалека. Как только отблески огня заиграли меж темных стволов, а над костром забулькала каша в котелке, из темноты вынырнула и осторожно приблизилась к огню косматая фигура.

«Доброго здоровьичка, странники,» – внимательно оглядел она компанию. – «А я чую дымком потянуло. Ну думаю, нет дыма без огня, а огня без каши. Дозвольте скоротать ночь у вашего костерка.»

Мужик был не то, чтобы здоров, но угрюм, волосат и давно не чесан.

«Клим Кологрив,» – отрекомендовался он, присаживаясь к костру. – «Мастер на все руки. Могу ручки позолотить или нагреть, сидеть сложа руки или на руках носить, могу умыть руки, да и запачкать их не боюсь, могу взять что хочешь голыми руками или протянуть руку помощи.»

«Не тот ли Вы Клим Кологрив, который недавно потерял паршивую овцу?» – оживился Аристарх.

«Он самый,» – сокрушенно кивнул гость. – «Так и не нашлась, бедолага.»

«Надеетесь в здешнем лесу ее отыскать?» – не унимался Аристарх. – «Так это напрасно. По лесам только заблудшие овцы бродят. Советую махнуть на эту затею рукой.»

«Да я уж и махнул,» – уверил Клим Кологрив. – «Другим делом промышляю.»

«Каким же, позвольте полюбопытствовать?» – заинтересовался дед Богдан, раскладывая кашу в свою и не в свою тарелки.

«Несу ахинею,» – гордо известил новый знакомец. – «Заморская диковина. Пользуется большим спросом. Цельный мешок на продажу имею. Не интересуетесь?»

«Нам без надобности,» – протянул гостю отрезанный ломоть хлеба Иван.

«Да что же это я?» – засуетился Клим. – «У меня калач тертый к чаю имеется. Вон какой пышный, да мягкий. По утру в селе купил. Чувствуете? Совсем из другого теста сделан.»

«Не в Семипятничном ли часом?» – всколыхнулась Груша.

«А разве оно еще не сгнуло?» – ответил вопросом на вопрос Клим Кологрив. – «Уж и указатель дорожный на него покосился и в землю уткнулся.»

«А где он? Где тот указатель?» – вскричала Груша.

«Да вот через две опушки на третью и вдоль ручья вниз по косогору, ежели направо пойдете,» – указал Клим.

Путешественники вновь встали на правильный путь.

Глава 23.

В окрестностях Семипятничного царило небывалое оживление. Ловили удачу.

Удача – штука капризная. Откуда берется и куда девается – неизвестно. Некоторые полагают, что обретается она на седьмом небе, и изредка ненароком оттуда крохи ее на землю просыпаются.

Но если увидишь ее, не зевай, немедля лови и прячь за пазуху. Этим сельчане и занимались. Позабыв и позабросив все дела, не позаброшенные ранее, они, вооружившись шапками, сетями, сачками, мешками и даже наволочками, какие побольше, носились по окрестностям села, обшаривали овраги и пустыри, шерстили стога полусгнившего прошлогоднего сена, вытапывали давно запущенные ягодники, шарили по воде вилами.

Взбаламутила односельчан Гадюка Аспидовна. Однажды в жаркий полдень она занималась любимым делом: лежала на боку под вишней в саду и плевалась косточками в мух, иной раз сбивая тех на лету. И вот, посматривая на солнце сквозь пальцы, она заприметила в ветвях нечто необычайное. Сгусток света, переливающийся всеми цветами радуги, запутался в ветвях. Глупа Гадюка Аспидовна не была. Она мигом смекнула, что это такое.

Удачу Гадюка Аспидовна узнала сразу. Надо сказать, что

по жизни ей везло. Сначала был у нее работающий муж, дом – полная чаша и красавица-дочка. А когда село обнищало, ей снова повезло. Дочка Лукерья удачно вышла замуж, за жениха пусть и небогатого, но совестливого, слову своему, неосторожно данному, верного. Зять тянул ляжку, рвал жилы на работе, а она с дочерью и внучкой как сыр в масле катались.

Но поймать чистую удачу, свою, собственную, – это совсем другое дело. Гадюка Аспидовна поднялась, стряхнула с подола вишневые косточки и потянулась сквозь ветви за удачей. Но та пряталась высоко, а Гадюка Аспидовна от сытой жизни изрядно раздобрела и влезть на дерево не смогла. Лишь спугнула её окаянную. Удача вспорхнула и поскакала по саду, как солнечный зайчик. Женщина кинулась за ней и всполошила все село. И теперь все сельчане, от мала до велика, носились по окрестностям, пытаясь поймать удачу за хвост. Семипятничное пришло в окончательный упадок.

Некому было кормить кур и доить коров, собирать яблоки и прореживать морковь, чинить прохудившиеся крыши и править покосившиеся заборы. Удочки были смотаны, кузнечные горны погашены, рабочие рукавицы повешены на гвоздь, косы затупились, а огороды поросли бурьяном. Ни из одной трубы в селе не поднимался сытый дымок, ни в одной печи не томился горшок с пшенной кашей или мясной похлебкой. И только скрипящие ставни раскачивались на ветру.

Удача же была неуловима. Ее видели на пруду, скользившей по воде вместе с гусиной стаей; на постоялом дворе меж битых горшков в глубине двора; среди ярко-желтых соцветий подсолнухов, растущих вдоль дороги. Она то пряталась в тине под мостками, на которых бабы стирали белье, то взмывала к макушке колодезного журавля. И неизменно ускользала от преследователей, словно просачивалась сквозь пальцы, подобно песку.

Груша с грустью обозревала родное село сверху, с косогора. Вниз путешественники решили пока не спускаться, чтобы ненароком не напороться на Лукерью или Гадюку Аспидовну.

Вечерело. В полном безветрии над селом раздавалось протяжное мычание не доенных коров и петушина перекличка.

«Слышите?» – огорченно вскрикнула Груша. – «Это наша Пеструшка. Я ее, ласковую, из целого стада узнаю. Пойдем в село ночью. Огородами проберемся, нас и не заметят.»

«Ночью?» – засомневался дед Богдан. – «Еще за татей ночных примут. Пришибут ненароком или сами испугаются до полусмерти. Не по-людски это.»

«Вот что. Пойдем мы с Иваном отца твоего искать, а вы с Аристархом тут в малиннике схоронитесь до поры, до времени. А камень держи за пазухой,» – решил дед. – «Которое хозяйство ваше?»

На том и порешили.

Вооруженная мешком из-под картошки Гадюка Аспидовна тем временем сидела в засаде. Место было выбрано идеально. С малинника на макушке косогора все село было как на ладони. Пусть удача размером была невелика, но яркий ее блеск и издали нельзя было не заметить. Она была навроде солнечного зайчика. И Гадюка Аспидовна зорко оглядывала окрестности. Единственным неудобством был впивающиеся в кожу и цепляющиеся за одежду колючки. Но и оно отошло на второй план, когда сиделица услышала голоса. Быстро смекнув в чем дело Гадюка Аспидовна справедливо рассудила, что синица в руке, то бишь камень у непутевой внучки за пазухой, лучше, чем журавль, то есть неуловимая пока удача, в небе. Проводив глазами спустившихся с косогора деда и внука, Гадюка Аспидовна стала тихонько выползать из малинника пятясь назад.

И тут внизу сверкнуло.

Глава 24.

Село будто вымерло. В пыли на обочинах дороги под бдительным взором петуха копошились лупоглазые куры. На поленнице, заросшей паутиной, растянулся рыжий котяра, подставив солнышку пузо. Ни души не оказалось ни в кузне с погасшим горном, ни у пруда, полного гомонящих уток, ни на постоялом дворе. Тишину разрезал лишь скрип одинокого флюгера-петушка на крыше одного из домов.

«Странно,» – нахмурился дед Богдан.

«Что может быть еще страннее?» – оглядывал пустую улицу Иван.

«Ветра-то нет,» – пояснил дед. – «А флюгер ...»

«Гляди-ка!» – ахнул он через мгновение, задрав голову.

Оседлав железного, ярко раскрашенного и бешено крутящегося петушка на крыше одного из домов сверкала и искрила всеми цветами радуги удача. Дед и внук замерли, разинув рты. Вскоре произошло неизбежное. Раскрутившись, удача не удержалась на своем насесте и полетела вниз.

«Лови ее! Лови! Держи карман шире!» – кричал дед. Удача, покружив по двору, вылетела за ворота и скользнула аккуратно за пазуху деду Богдану. А там мгновенно пригrelась и притихла, легонько щекоча его своим сиянием. Дед и внук – оба – заглянули внутрь. Удача слепила глаза.

В этот момент из переулка послышался какой-то шум. Он

нарастал, как рокот прибоя. Вскоре стали слышны лязг, топот и отдельные возгласы. В клубах пыли из переулка вывернула толпа и замерла, едва дыша и боясь спугнуть удачу. Дед и внук попятились.

Общеизвестно – выигрывает тот, кто способен взглянуть на ситуацию свысока. В данный момент на высоте были Груша, Аристарх и Гадюка Аспидовна. С косогора им отлично были видны две отчаянные фигурки, со всех ног улепетывающие от несущейся за ними по пятам толпы селян. Дорога могла привести их только в одно место – на заливной луг, где без присмотра понуро бродили коровы. Гадюка Аспидовна сорвалась с места и покатила вниз по косогору.

Толпа жестока, безумна и неуправляема. Пытаться ее взразумить – гиблое дело. Куда разумнее (чтобы спастись) бежать. Дед и внук бежали. Сверкая голыми пятками они птицами перелетали через изгороди, перескакивали через рвы и канавы. Перемахнув речушку по неширокому бревенчатому мостику, они оказались на некошеном заливном лугу и тут же увязли в густой траве по пояс. Запутавшись в мураве дед Богдан не удержался на ногах и полетел вперед. Удача выскользнула из-за пазухи, перелетела через его голову и уткнулась в сытый пестро-рыжий коровий бок. Корова повернула голову, сказала протяжное «му-у-у» и слизала удачу длинным языком. Дед, внук и подоспевшая толпа остолбенели.

«Пеструшка!» – взвыла Гадюка Аспидовна.

Глава 25.

Путники понуро брели по пыльному тракту со скоростью сытой коровы. Пеструшка неторопливо переставляла ноги, отгоняя хвостом кружащих оводов. Шаг ее становился все размереннее, покуда она не остановилась вовсе, издав протяжное «Му-у». Я корова, мол, а не ездвая лошадь. Пешие переходы на дальние расстояния не мой конек.

«Пеструшенька, ну голубушка,» – принялась уговаривать ее Груша. – «Ну не посреди же дороги останавливаться. Давай хоть на лужок сойдем, на травку.» Но Пеструшка уперлась и замотала головой. Хвост ее хлестанул упругий бок. Что-то хлюпнуло, шлепнуло, плюхнуло. Вокруг растекся хорошо знакомый всем аромат. Корова облегченно выдохнула и никем не понукаемая побрела дальше. Одна. Спутники ее остались на месте, замороженно уставившись на дымящуюся лепешку. Хотя пахла она совершенно обычно, выглядела непривычно, переливаясь всеми цветами радуги.

«Вот счастья-то привалило!» – сдавленно охнул дед Богдан и тут же засуетился. – «Иван, вынай все из котомки, закидывай туда добро.»

«Как? В котомку? Дед, да ты чего? Оно же свежее,» – недоуменно возразил внук.

«Подбирай, говорю, пока никто чужой не увидел. А то не видать нам счастья, как своих ушей.»

Покуда путники добрались до цели своего путешествия (домой к деду Богдану и внуку Ивану) удачи набралась почитай целая тачка, выменянная по случаю в пути на остатки провизии. Тачка была заботливо накрыта рогожею, не пропуская предательского сияния. Источник духовитой удачи иссяк менее, чем через сутки. Пеструшка снова стала самой обычной коровой.

Делили нажитое добро, усевшись в кружок посреди двора. Сама Пеструшка, разумеется, осталась хозяевам – Антипу и Груше. Освободившись от данного по глупости слова, Антип без сожаления оставил опостылевшее семейство и подался прочь из Семипятничного с дочкой и бедовой коровой. Подсохшие за время пути коровьи лепешки разложили на равные кучки, взвешивая на весах с чугунными гирьками.

«Ну и что мне с этим добром делать? Куда применить удачу, смешанную с коровьим дерьмом, ума не приложу?» – сокрушался Аристарх.

«Главное – иметь удачу при себе. А уж в каком виде, неважно.»

«Как же при себе иметь? В кармане? А запашок? В личном обществе не покажешься.»

«Во флакончик положи малую толику, с крышечкой,» – дал дельный совет дед Богдан. – «А нам так даже сподручнее, я мыслю. Удобрим яблоньки, те, что не разбежались. Глядишь, и каждый год теперь урожайным на наливные яблочки будет.»

Тем выход в люди и завершился.